

# Махкам Махмудов Я-НЕ Я

*Рассказы и  
повести*

Я-НЕ Я  
ПОВИЛИКА

БИБИХАНУМ  
В НЕВЕДОМОМ МИРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА  
ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА  
ТАШКЕНТ 1982

Уз  
М 36

Рецензент — Э. Маципуло

70803 — 149

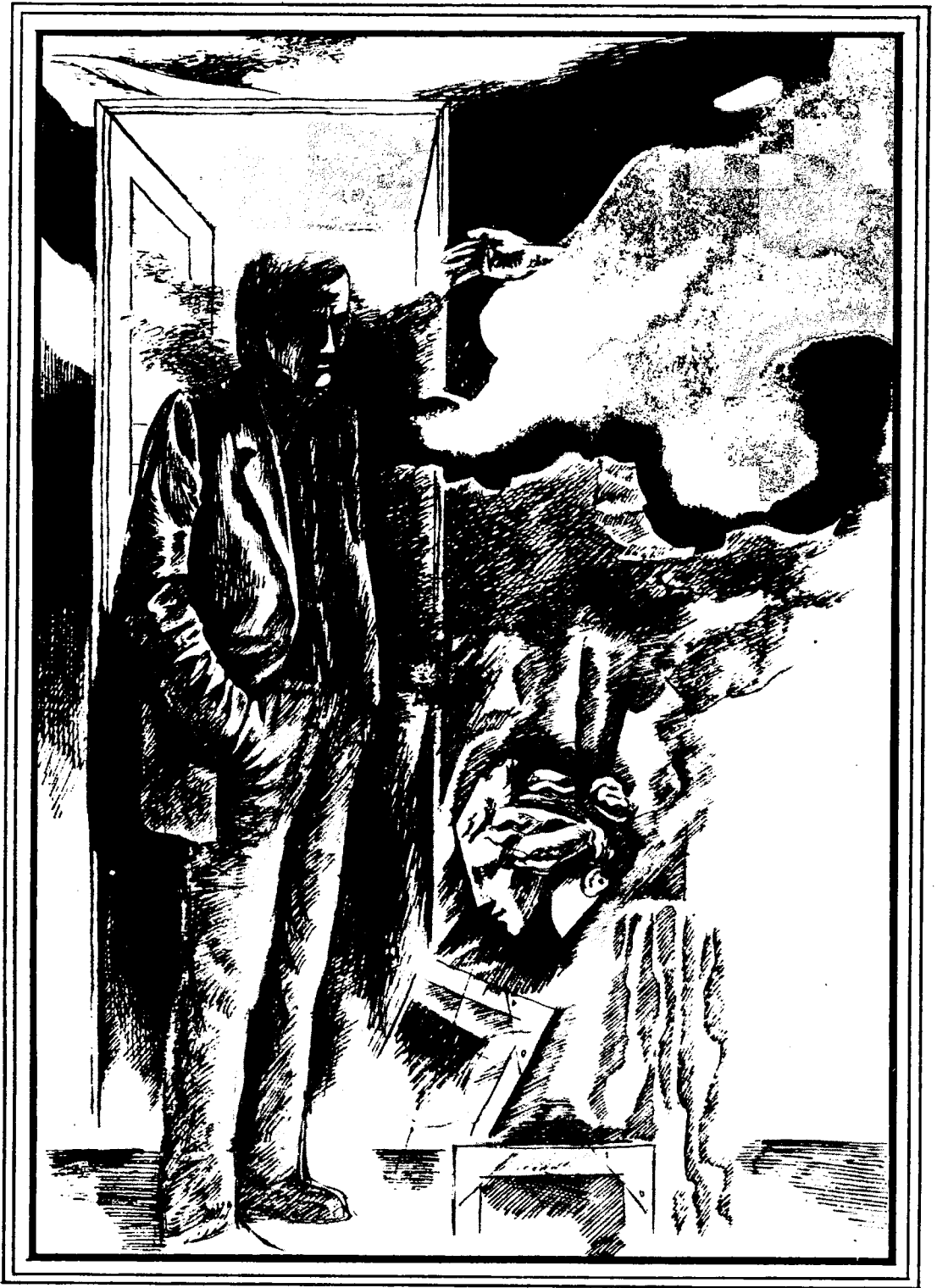
М ————— Доп. 82 4803010200

М 352 (04) — 82

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1982 г.  
(Перевод, оформление)

**Дорогой читатель!**

В фантастических, приключенческих рассказах и повестях Махкама Махмудова ты для себя можешь открыть мир богатый не только красками, но и яркими характерами героев, с которыми можно соглашаться и не соглашаться, можно любить их или ненавидеть. Но равнодушным остаться к ним нельзя. Прочитав последнюю страницу книги, ты согласишься, что открыл ее не зря.



# Я-НЕ Я

## ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Народному художнику Узбекистана  
Чингизу Ахмарову посвящается

Кто-то позвонил. Настойчиво, нетерпеливо... Я поспешил открыть. В двери стоял... мой двойник. Он выглядел старше моих лет, и, тем не менее, на его усталом лице озаренные каким-то внутренним светом сияли молодые глаза.

— С днем рождения, Бехзад! Я совсем забыл о том, что у тебя сегодня такой день. Хорошо, чужие люди сказали, — мягко упрекнул он меня. — А ведь ты, наверное, уже и гостей пригласил, да не каких-нибудь, а знатных.

— Да что ты! — пытался оправдаться я, хотя он попал в самую точку. — Только вчера узнал, сколько мне лет, да и то спасибо нашему главному художнику... он напомнил...

Я сказала это, конечно, желая подчеркнуть свою близость к главному художнику нашего театра.

— Кажется, я пришел некстати? — пробормотал гость, переминаясь с ноги на ногу и раздумывая, зайти ли ему в холл. Ему, видимо, было небезразлично все, что творилось за порогом этой квартиры, и он бегло осматривал полотна, висевшие в прихожей.

Что ему ответить? Внезапно нахлынули неприятные воспоминания, связанные с моим двойником.

Незадолго до его прихода я принимал в своей вилле на зеленой окраине столицы гостей — людей солидных, с положением. Разговор шел о моих работах.

— А что скрывают недра этих гор? — спросил хорошо известный во многих странах сотрудник влиятельной газеты «Вэг», указывая на одно из полотен.

Гости с нескрываемым удивлением посмотрели на него.

— Кроме бурной реки, я ничего не вижу, — иронически заметил поэт Азамат. Этот плюгавый, но высокомерный человечек сочинял весьма посредственные стихи, зато не признавал великих своих современников, всех до единого называя бездарями. А я его уважал — он хвалил мои картины.

— Вот как! Но ведь здесь изображен лес, в котором, пожалуй, можно заблудиться, — слегка улыбувшись, вставил сидящий рядом с Азаматом располневший, с рыжеватыми усиками композитор Сайфи. Еще совсем молодым он писал хорошую музыку на пустынные стихи бездарных поэтов. Но мы так привыкли к этому, что, поступи он иначе, — мы, пожалуй, его не поняли бы.

— Что вы, что вы! Или я не разбираюсь в искусстве, — вмешался

худощавый черноглазый искусствовед Омар, — или вы нарочно не замечаете газель, жадно пьющую воду из ручья? Посмотрите, как она пуглива — любой шорох, и она готова обратиться в бегство...

Омар прекрасно разбирается в искусстве, но почему-то расхваливает художников, о которых заведомо знает, как они бездарны. Каждый, конечно, понимает, что это нехорошо, но никто не скажет Омару в лицо всего, что о нем думает. Ведь тогда придется выслушивать правду о себе. А у кого из нас нет своей «ахиллесовой пяты»?! Только глупцы не стесняются говорить все, что им вздумается, но кто же пустит такого человека в порядочное общество!

Сегодня все наперебой расхваливали картины, хотя прекрасно знали, что создавал их не я. Вокруг этих картин споры не утихают до сих пор, это — настоящее искусство. Странные с современной точки зрения, они полны необъяснимой загадочности и очарования, от них трудно отвести взор. И мои друзья, пожалуй, искренне хвалят их наперебой.

Но подозревают ли они, как я ненавижу эти картины? Ненавижу, хотя они висят в моем доме, хотя многие восхищаются ими.

Теперь я не могу так писать. Да и зачем! Мои друзья рады, что я пишу уже иначе. Они знают, что такие картины не в почете. Славу мне принесут произведения, которые я создаю сейчас.

— В молодости ты был выдающимся художником, — вздохнув, заметил мой друг-журналист. Говорит он об этом всякий раз, когда приходит ко мне. И всякий раз я затрудняюсь понять: восхищается он тем, что было, или сожалеет. А может быть, он иронизирует? Может быть, не верит, что я имею к этим картинам какое-то отношение?

Пусть эти картины писал мой двойник, утверждающий, что это — различные воплощения его возлюбленной, прекрасной Дурданы. Но ведь когда-то и я любил Дурдану! Правда, истинным влюбленным был не Я. Ибо...

Я облокотился о спинку дивана, рассеянно слушая разговор. Взор мой бесцельно скользил по пейзажу. Вдруг перед глазами стали всплывать картины детских лет. Только видел я их как-то странно, отчужденно — будто не мое это было детство, а другого человека.

Кто он, мальчуган со светлыми глазами? Он похож на меня. Однако это не я. У него есть сердце. Настоящее сердце. А у меня его нет. Об этом люди не догадываются. А может, и догадываются, но те, у кого, возможно, тоже нет сердца, — молчат. Впрочем, мне не дано судить об этом.

Вечер. На широкой лужайке, вместе с другими детьми, сидит этот очень похожий на меня мальчик и слушает сказки. Он слышит таинственный шорох в густой чаще деревьев. Издалека доносится глухой крик совы. Над полем джугары по небу медленно плывет луна. Ее голубоватым светом окутан огромный платан, простиерший густые ветви над онемевшим от любопытства и душевного трепета мальчуганом...

Матушка любила рассказывать нам о Синдбаде-мореходе и страшном одноглазом циклопе. Убаюканный ее певучим, сладким голосом, сквозь дрему я смотрел на огромную чашу неба, по которому, как блестящие зернышки проса, рассыпаны звезды. А в предрассветный час, когда начинал хрипло кричать петух, я, конечно же, не спал и не мог оторвать глаз от Млечного Пути — мне казалось, что рассвет

начинается там, на затерянной в огромной бездне дороге. Кто проложил ее? Ах, как мне не хотелось уходить домой!

Иногда мать рассказывала о прекрасной фее Дурдане. «Дурдана — вечно юная красавица; тот, кто встретит ее и полюбит, тоже будет жить вечно, — говорила мать, и странная улыбка озаряла ее лицо. — Дурдану могут увидеть лишь одаренные и благородные люди, потому что Дурдана — фея вдохновения».

Я повзрослел, уехал учиться, чтобы стать художником. И все это время жил сокровенной мечтой — увидеть вечно юную фею Дурдану.

Однажды всю ночь напролет я читал старинную книгу. В пред-рассветный час, когда солнце только-только начинает золотить краешек неба, возник перед моим окном великолепный пейзаж: на изумрудном поле розовели кроны персиковых деревьев, белопенными стали урючины. Сладко веяло чем-то нежным, прохладным.

Вдруг легкий порыв ветра неслышно открыл дверь. Я повернулся — и онемел! Передо мной стояла она, моя фея! Глаза ее были грустными и задумчивыми, длинные ресницы едва заметно трепетали, словно она хотела что-то сказать — и не решалась.

В это мгновение я услышал дивную музыку, вся комната наполнилась сияющим светом. Неужели это запела моя душа?!

— О, не удивляйтесь! — раздался нежный голос. — Да, да! Я — фея, я — ваша мечта. Я — Дурдана.

«Конечно, конечно! Кем же еще можешь ты быть, прекрасная незнакомка, явившаяся мне на рассвете, словно солнечный луч! Наконец-то! Я ждал тебя столько лет!» — хотелось мне крикнуть, но слов не было...

Дурдана поняла мое волнение... Она улыбнулась и, едва придерживая длинный подол своего голубого воздушного платья, присела на край моей постели.

— Вы не уйдете? — прошептал я. Юная фея нежно посмотрела на меня и опять улыбнулась. Эту улыбку не передашь ни словом, ни краской, ни звуком. Ее можно только бесконечно созерцать. И тем не менее я взял кисть.

Она сидела тихо и разглядывала книги — мое достояние. А я писал, ни на миг не задумываясь над тем, что делаю, — кисть сама, казалось, летала по холсту.

... Вдруг эту божественную тишину разорвал хриплый крик пелуха. Первый луч солнца упал на подоконник. Встревоженная фея поднялась, положила книгу.

— Прощайте, мой друг. Я приду! — И, легко придерживая двумя пальцами подол своего чудесного платья, мгновенно исчезла.

Долго я стоял, глядя туда, где только что улыбалась девушка неземной красоты. Потом перевел взгляд на холст. И... о чудо! С полотна на меня глядели изумительные глаза газели — пугливой, грациозной. Словно она пришла на водопой и засмотрелась на водную гладь, в которой переливами света играет горная речка...

... Она снова пришла ко мне, Дурдана! Теперь я уже ждал ее, ждал и холст, натянутый на подрамник в моей комнате. Я не знал, смогу ли снова работать, но разве можно было забыть те минуты, когда моей рукой двигало сжигающее душу вдохновение...

Дурдана навещала меня еще и еще. Я перестал бывать на занятиях. До рассвета писал, а потом в изнеможении валялся на кровать и, как убитый, засыпал. День и ночь смешались...

... Но однажды фея пришла очень печальная. «Случилось недоброе», — подумал я.

— Вы разве ничего не знаете? — спросила она, присев по привычке на краешек моей постели. — Вашего любимого учителя...

Глаза ее затуманились...

— Что с ним? — прошептал я, сраженный догадкой.

— Его лишили работы... Такого человека...

Казалось, она не может продолжать... Дурдана пересела поближе, словно готовясь рассказать мне длинную историю, и доверчиво улыбнулась, заметив, как я заволновался, почувствовав ее близость...

— Он, как и вы, когда-то любил меня. Но в этом обществе, в мире наживы трудно тому, чьи чувства чисты. Меня многие считают колдуньей...

Я и впрямь слышал нечто подобное. Напрягая память, вспомнил. Как-то в институте говорили о том, что Дурдана — колдунья, что ей две тысячи лет, но она, превратившись в восемнадцатилетнюю девушку, совращает молодых простачков, и жертв ее — не счесть. Я тогда пропустил все это мимо ушей, как вздорный вымысел... Но вот сейчас... неужели это серьезно?..

\* \* \*

Наш новый преподаватель по классу рисунка господин Хамави — низенький, гладко причесанный, со сверлящими собеседника глазами — знакомился с нами долго, изысканно, на аристократический манер. На первом же занятии он принялся излагать суть нового метода в искусстве.

— Задача художника — приносить пользу обществу, — заявил он безапелляционно, глядя вверх, на резной потолок. — Когда я говорю «пользу», я имею в виду произведения, отвечающие требованиям нашего сегодняшнего дня...

Я, словно не обратив на это никакого внимания, спросил:

— Что подразумевается под термином «полезное искусство»?

Все взгляды устремились на меня.

Новый учитель не скрывал раздражения.

— Должно подразумевать следующее. — Дальше он произнес по слогам: — Художник откликается своим искусством на текущий момент и не отвлекается ни на что другое!

Большинство студентов было явно не согласно с его мнением, однако все поняли — дискуссий он не потерпит.

— С сегодняшнего дня мы с вами, — сказал господин Хамави торжественно, — перейдем к новому, передовому и, вместе с тем, облегченному способу отражения жизни. Это — изображение без цвета.

В голосе его крепили ликующе-зловещие нотки.

— Как известно, — «конкретизировал» учитель, — обилие и бесконечное многообразие красок в природе не позволяет сосредоточиться на чем-то одном, отвлекает человека от полезного труда. Представьте себе, пастух увидел на горной лужайке множество цветов. Завороженный, созерцая их, он забывает о своей основной цели — необходимости пасти стадо. Создавая такую картину, целесообразно убрать с лужайки цветы. И я, как мне кажется, нашел решение этой проблемы.



Переведа дух, он продолжал все так же торжественно:

— Для этого достаточно применить искусственные глаза, а они не позволят людям отвлекаться для созерцания цветов и оттенков.

Искусственные глаза!.. Мы переглянулись. И вдруг увидели: новый учитель смотрит как-то особенно: прямо перед собой, почти не моргая.

А он продолжал, и все больше креп, набирал силу его жуткий голос.

— После продолжительных, долголетних научных исследований я изобрел такие глаза! Они упрощают жизнь, ибо различают лишь черный и белый цвета, сглаживают различия. В нашу эпоху, в век электроники и лазеров пересадка таких глаз не составляет особых трудностей. И я первым, на себе, применил свое изобретение! Я смотрю на вас и вижу всех вас одинаковыми.

Стеклянные глаза нового учителя впились в нас так, словно этот человек хотел высверлить из нас все неудобные ему мысли.

В аудитории водворилась тревожная тишина. Мы затаили дыхание.

— Отныне вы должны пользоваться искусственными глазами, — закончил наш новый учитель тоном, не терпящим возражений, и устало опустился в кресло. — Ибо сейчас нет необходимости искать сложные цветовые гаммы. — Он уставился на искусную резьбу на кресле, что, очевидно, решило его дальнейшую судьбу.

— Всем ли обязательно пользоваться этими новыми глазами?

Студенты, как по команде, повернулись в мою сторону, и было видно, что мой вопрос некоторым показался неуместным. Пронзительный взгляд учителя остановился на мне, казалось, ноги мои одеревенели.

— Всем не обязательно, — многозначительно ответил он наконец, — но художникам, использующим передовой способ, открыты все пути... Нетрудно было догадаться о смысле этих слов..

Прозвенел звонок, и мы облегченно вздохнули.

\* \* \*

Расстроенный, я брел бесцельно по раскаленным улицам и попал в заброшенный загородный сад. Оглядевшись, заметил каменную скамью, на которую я и присел.

Солнце еще не зашло, в саду было сумрачно и неудобно. Сильный ветер гнул деревья, тревожно шелестела листва, вода в полуразрушенном мраморном бассейне покрылась беспокойной рябью. Ветки огромного дерева хлестали по гранитной голове памятника какому-то древнему ученому, словно стремясь сорвать с него чалму. Вдали, в глубине сада, виднелся старый с зубчатым карнизом дворец. Шелковые шторы на его окнах рвал ветер, они пламенели в зареве заката. Ветер принес бурю. Рослые платаны вокруг дворца содрогались от сильных порывов ветра, их слабый стон напоминал стенания больного. Вдруг, осветив небо, ударила молния. Она ослепила меня, показалось, что на голову со всего размаху обрушилась огненная сабля... Я упал, как подкошенный, и потерял сознание...

Когда я пришел в себя, буря утихла, и на темном небе мерцали звезды. Удивительно, но я чувствовал себя непривычно легко, как будто сбросил с себя тяжесть, казалось — могу взлететь высоко-высоко...

Опираясь о землю руками, я встал на колени, оглянулся и вздрогнул — на траве рядом со мной лежал юноша. Он, по-видимому, был в глубоком обмороке. Я вгляделся в его лицо, и меня охватило смещение — как две капли воды, юноша был похож на меня! Я побежал к бассейну, принес воды и попытался напоить юношу. Приложил ухо к его груди — сердце бьется... И все уверенней, сильнее. Наконец юноша открыл глаза, посмотрел на меня, видимо, тоже с удивлением узнавая во мне знакомые черты, и тихо, с налетом иронии, сказал:

— Ты лучше послушай свое сердце. Есть ли оно у тебя?..

Оторопев, я приложил руку к левой стороне груди. Как будто ничего не слышно... Не может быть!..

— Да, не удивляйся. Сердце у нас с тобой одно на двоих, и оно у меня, — он показал на свою грудь.

— А кто ты такой? — Я не очень-то поверил его словам.

— Я — это ты.

Голова у меня закружилась, я едва удержался на ногах. Пошарив в карманах, нашел сигареты, закурил и предложил ему. Мы долго молча курили. Наконец он заговорил:

— Ты был несправедлив к фее Дурдане. Эта девушка — самая прекрасная на свете. А ты поверил чепухе, которую болтают о ней люди непорядочные. Я очень люблю ее, да и ты ведь любил.

— Нет, — поспешил возразить я. — Я ее не люблю. Она колдунья. Ей тысячи лет, и она превращает каждого, кто к ней стремится, в ком-то пыли...

— Брешь, все это сплетни господина Хамави. Ты просто боишься. Боишься, что и тебя могут выгнать из института, как выжили старого учителя. А ведь у каждого таланта, в сущности, есть своя фея, своя вдохновительница. И у людей, проживших тысячу лет, тоже были свои феи...

Я раздраженно махнул рукой и ушел. А он отправился искать свою фею.

\* \* \*

С того дня я жил без сердца. Так было легче. Я уже не совершал необдуманных поступков, а руководствовался трезвым рассудком. И фея Дурдана больше не приходила ко мне...

Шли дни, недели, месяцы — унылые, однообразные. Хамави все чаще хвалил меня, и я втягивался в свою новую жизнь. И мне уже не казалось удивительным, что там, где раньше билось сердце, теперь пусто и спокойно. Иногда я приходил в ужас: а вдруг окружающие узнают, что у меня нет сердца? И я старался отдалить от себя всех, с кем дружил раньше, кто был мне когда-то дорог. О двойнике я тоже старался не думать — это было мучительно.

Закончилась учеба и меня взяли в оперный театр. Господин Хамави дал мне отменную аттестацию, он назвал меня самым способным и перспективным молодым художником.

Получив столь завидное место, я решил вести себя так, чтобы понравиться главному художнику, войти к нему в доверие и добиться успеха.

Однажды Главный, посмотрев декорацию, посоветовал «убрать» с нее величественный дворец. Я охотно это сделал — дворец напомнил тот, возле которого меня застала в памятную ночь буря. Изучив

вкус своего начальника, я стал убирать с декораций все, что носило необычность, что придавало им возвышенность, романтичность. Теперь действие шло среди приземистых угрюмых зданий, при этом обязательно черно-белых. В духе времени. Постепенно приходило признание, я стал вхож в общество, где можно было наслаждаться радостями жизни.

А тот, у которого мое сердце, все бродил где-то, босой и голодный.

Однажды он навестил меня, и мы мирно беседовали. Теперь мне это было уже не страшно — я твердо стоял на ногах. И тем не менее каждый его приход привносил в мою жизнь что-то для меня нежеланное, и это причиняло мне боль...

Однажды он появился рано утром — тихо, неслышно, точно привидение. Обратился ко мне так, словно мы беседовали всю ночь и теперь продолжаем разговор.

— Видишь горизонт, что купается в заре? Ты только посмотри, сколько красок! Какие тончайшие переливы света! Да посмотри же! — Он сжал мое плечо так сильно, что я едва не вскрикнул от боли. — Такую зарю ты видел только в детстве! Возьми же поскорее кисть, ведь с каждым мгновением заря меняется, ты не успеешь передать все ее краски!

Я посмотрел на пурпурный край неба и заколебался. Но тут же вспомнил равнодушное лицо Главного. О, это бесстрастное лицо! Сколько злобы и ненависти за этой маской! Стоило кому-то из нас опоздать, как он начинал шипеть, словно змея, и в театре поднималась буря. «Нет, с Главным художником лучше не ссориться!» — подумал я и, не обратив внимания на слова призрака, поспешил в театр.

А тот преследовал меня и убеждал:

— Велика беда, если опоздаешь! На работу ты ходишь каждый день, а вот такая заря может и не повториться... Смотри, сколько в ней сегодня оттенков — от зеленоватого до красно-голубого... Быстрее возвращайся и беришь за кисть!

— Да пойми — мне некогда! — я выходил из себя. — Сегодня я должен написать лозунг: «Любите прекрасное». Если я этого не сделаю, меня выгонят с работы.

Мой двойник усмехнулся:

— Людям нужны не лозунги о прекрасном, им нужна красота! Если бы ты был подлинным творцом и творил красоту, этого бы хватило, чтобы оправдать твою жизнь!

Я рассмеялся.

— Вот ты творишь прекрасное, а кто понимает созданные тобой шедевры? Люди-то ценят картины, которые хвалит критика.

— Ты говоришь о тех, кто выше всего ставит сытость, о тех, в чьих душах — пустота. А я творю для того, чтобы сеять семена цветов в пустыне душ.

— Сытые не поймут твоего искусства, они посмеются над тобой...

— Ты не прав. Не все превратились в камни, окаменели душой. Но оставим этот разговор. Посмотри лучше на горизонт! Краски уже потускнели, еще немного — и они исчезнут!

Я равнодушно смотрел на небо:

— Честно говоря, все эти оттенки, так удивившие тебя, мне кажутся серыми...

— Потому что у тебя искусственные глаза?

— Да.

— Зачем ты приобрел их?

— Они избавляют человека от усталости, облегчают жизнь.

— Ты боишься жизни?

Его вопросы раздражали меня и, вместе с тем, будили нечто похожее на угрызения совести.

— Иди, не сбивай меня с дороги, — бросил я двойнику в гнев.

— Тебя уже сбили с истинного пути, но я хочу тебе помочь.

Ты должен вернуться к настоящему...

— Не мешай! Ты расплещешь краску, которую я несу.

— Черную!

Он резко остановил меня, посмотрел прямо в глаза.

— Ты не художник. Ты... ты...

Несколько месяцев он не попадался мне на глаза.

Откровенно говоря, я боялся двойника. Отчего, отчего он преследует меня, отчего не дает жить спокойно, ни о чем не заботясь?

Он появляется тогда, когда я вспоминаю детство, и тогда, когда я беспечно веселюсь с друзьями. Появляется худой, изможденный. Может, это оттого, что его гложет неведомое мне горе!

Нас связывают с ним какие-то таинственные нити. Чем выше поднимаюсь я по служебной лестнице, тем скорбнее становится его взгляд, тем все жалче выглядит он. Стоит мне получить большой гонорар — он впадает в нищету, собирая на кусок хлеба. Чем богаче и элегантнее мои костюмы, тем больше заплат на его ветхой одежде.

Но пусть он пеняет на себя! Попал под влияние красавицы Дурданы — лишился спокойной жизни! И все из-за какого-то вдохновения, каких-то мифических принципов. Ему не понять, что главное в жизни — преуспевать!

И вот он, моя совесть, снова передо мной, словно призрак. Пришел поздравить меня, значит, и себя, с сорокалетием. Не забыл... А вот я уже стал его забывать. Легко без совести.

А он буквально читал мои мысли:

— Хочешь знать, зачем я пришел? Знай: тебе уже сорок лет! Зрелая пора жизни. Можешь ли ты сказать, что уже сделал что-то во имя великого искусства? Уверен ли ты, что люди будут помнить о тебе, о твоём творчестве?

Я постарался рассмеяться как можно беспечно:

— Послушай, правдоискатель! Все восхищаются моими картинами. Критика считается с моим мнением. У меня появилось много учеников. И все они любят и уважают меня.

— Как ты наивен, — ответил двойник с горечью. — Да тебя просто боятся. В лицо тебя хвалят, восторгаются твоими ничтожными творениями, а за твоей спиной смеются над ними. Ведь ты, сознайся, в душе смеешься над тем, что публично расхваливаешь! И так вы все лицемерите!

— Хватит, — разозлился я, — не болтай глупостей! Ты всегда завидовал мне, моему росту — отсюда все твои сентенции!

— Это верно, слава твоя растёт... А ты опускаешься все ниже и ниже...

— Замолчи, — закричал я, не в силах больше сдерживаться. — Ты лишь моя тень, жалкое мое подобие!

Он расхохотался впервые за много лет.

— Да знаешь ли ты, что я твой талант. Ты не дорожишь своим талантом и потерял его. Я возвращался к тебе вновь и вновь, но ты гнал меня прочь! Так прощай же... Больше ты никогда не встретишь меня.

Он ушел. Я стоял пораженный, не зная: броситься за ним или вернуться к гостям? Он ушел, а я остался — без сердца...



# ПОВИЛИКА

## ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Востоковеду

Лазиру Азиз-заде посвящается

Никто не обязан быть великим или мудрым,  
но всякий обязан быть честным.

Аксель Берг

Аромат цветов наполнял дворик, снимал усталость. Мурад поливал клумбу, а мысли его были далеко. Он вернулся с работы, но продолжал думать об институте, о лаборатории...

Как трудно жить, зная, что судьба дела, которому ты отдал столько сил, висит на волоске. В институте настойчиво поговаривали о том, что лаборатория вот-вот закроется. А ведь еще вчера будущее проблемы, которую разрабатывал вместе с другими младший сотрудник института полимеров Мурад Тахиров, казалось таким надежным и ясным.

Задумавшись, Мурад уронил шланг. Хотел поднять его и низко нагнулся над цветами, ноздри защекотал острый, пряный запах райхана. И надо же, заметил Мурад, стебли этого удивительного растения опутали бледные щупальцы повилики. «Хищница эта повилика, даже корней нет, а душит цветок... Надо бы освободить райхан от сорняков. Но... сегодня слишком устал, как-нибудь потом...»

Дома он улегся на диван, и взгляд его невольно обратился к портрету покойного учителя, висевшему рядом с книжным шкафом. В последнее время Мурад во сне стал видеть профессора Алиева.

Как гордился Мурад, когда руководителем его научной работы назначили этого известного ученого, слава о котором гремела по всей вселенной! И на Земле, и на других планетах с интересом следили за работой его единственной в своем роде лаборатории, которой прочили огромное будущее. Даже поговаривали о том, что она вот-вот станет крупным институтом и будет разрабатывать проблемы антикатализа.

Ведь это Алиев открыл первичный антикатализатор, который, вместо того, чтобы ускорить все химические, физические и механические процессы, привел к обратному — воссоздавал первичное состояние материи. Кирпичи прославленных архитектурных памятников — медресе Биби-Ханым, мавзолея Гур-Эмир и других — несколько веков занимали определенное пространство. И вот открытие — воздух, заполнивший место вывалившихся из кладки кирпичей, обладает особыми качествами: в нем образуются слабые магнитные поля. Профессор Алиев, благодаря своему антикатализатору, направлял процесс тления, распада как бы вспять, возвращая, таким образом, здания в истинное, первичное состояние. Величайшее открытие, позволяющее стряхнуть с них пыль веков и увидеть в полном блеске и совершенстве!..

Памятникам больше не грозила опасность рассыпаться в прах. Опыты пока произведены на редчайших находках в древнем Хорезме, наиболее подвергшихся тлению. Антикатализатор открывал перспективу возвращения молодости многим другим материалам...

Если задуматься над тем, что это сулит, — голова кружится! Это ведь подлинная научная революция в постижении древней истории!

Мурад Тахиров только начал изучать проблемы антикатализа, — как внезапно скончался профессор Алиев, не успев подобрать учеников, последователей. А теория без преемников не имеет будущего. Не будь у Беруни или Авиценны последователей, и мир не узнал бы об их открытиях!

Новая лаборатория осталась без руководителя. И на Земле, и даже во Вселенной немало талантливых профессоров химии, но нет человека, который смог бы продолжить дело Алиева. Без руководителя теперь и научная работа Мурада.

От этих размышлений молодого ученого отвлек колокольчик на калитке. Он звякнул как-то необычно, словно к нему едва прикоснулись, как прикасается ветер, как падает тяжелая капля дождя...

Мурад выскочил во двор. Тонкий серп молодого месяца едва серебрил верхушки тополей. Мурад выглянул за калитку. Никого. Стало как-то не по себе. А кто же звонил?

Он обратил внимание на почтовый ящик — в нем что-то белело. А ведь когда он заходил в дом, ящик был пуст.

Разглядев надпись на конверте, он не поверил своим глазам: это было письмо от... профессора Алиева!

«Я, наверное, схожу с ума, — подумал химик, но тут же попытался взять себя в руки: — Этого не может быть!»

Почерк на конверте был знаком, он знал каждую завитушку ученого. Нет, он не мог принадлежать никому, кроме профессора!

Мурад медленно вошел в дом, испуганно глядя на письмо. «А вдруг, — пришло ему в голову, — профессор действительно написал ему с того света, и письмо каким-то чудом нашло адресата?»

Дрожащими руками он включил свет и распечатал конверт.

«Салом, Мураджан!» Так начиналось письмо. Мурад вскочил, потом вновь сел.

«Не удивляйтесь тому, что я пишу это письмо... Ведь именно вам я хотел передать весь свой опыт, все свои знания. Вы казались мне самым одаренным из моих учеников. Я был растроган вашими искренними слезами на моих похоронах...

Мне было приятно, что в день моей смерти был объявлен вселенский траур, что обо мне говорили тепло, не так, как при жизни, — а ведь это бывает далеко не всегда! Да, я работал, не жалея себя, и всегда думал только о своей работе. Вы ведь знаете, что у меня в жизни больше не было ничего другого. Вот почему я пишу это письмо. Но начну с событий, которые произошли еще до вашего прихода в лабораторию...

С Марса к нам, в Академию Земли, прислали молодого ученого. Умная, обходительная, энергичная, Клара на первых порах понравилась всем. Каждое поручение она выполняла в срок, аккуратно, точно. Однажды я даже решил: буду заниматься с ней, чтобы со временем посвятить ее в тайны моего открытия. Но потом заметил — она не любит нашу Землю... Памятники человеческого гения



вызывали у нее скуку, она хотела успеха в науке ради самого успеха. Не знаю, чем это объяснялось. Может быть, тем, что она не хотела отдавать Земле силу своего ума, а на Марсе таких великолепных памятников зодчества нет. И я отказался от своего решения — не стал передавать ей свой опыт. Я стал ждать человека, ученого, который по-настоящему загорится моей идеей, в ком талант и страсть к науке переселят все иные соображения. И я дождался такого человека: это были вы. Но мы работали вместе так недолго...

Конечно, я полагал, что после моей смерти Клара захочет стать руководителем единственной в мире лаборатории, желая только славы, славы о себе, которая будет греметь во всей Вселенной.

А душа? Она была абсолютно холодна к делу моей жизни.

— Ищите руководителя! — заявила она после моей смерти на заседании президиума Академии. — Но если найдете... Возвращусь на Марс, меня давно туда зовут, на работу...

Президент разгадал игру женщины с Марса и ответил ей иначе, чем она ожидала. Мой друг Садыков заявил во всеуслышание:

— Как вам известно, другие ученые не знают — над чем работает лаборатория, и потому не могут руководить ни опытами, ни ею. А вы... Вы занимались только полимерами, а не антикатализатором. Ближе всех к этому делу стоял младший научный сотрудник Тахиров. Он парень талантливый, в будущем вполне может руководить лабораторией. Но ему не хватает официального научного звания. Вот вы и помогите ему. И мы с вами вырастим еще одного талантливого ученого...

Услышав это, Клара опешила. Обычно с марсианами на Земле считались. Но она тут же перестроилась:

— Ну, конечно, Тахиров талантлив... Но он еще так молод, — она улыбнулась. — Как говорится, молодо-зелено... И я не думаю, что из него после смерти профессора получится что-либо путное. Лучше, — добавила она, помедлив, — лучше всего закрыть лабораторию — и все тут! Аппаратуру можно использовать в других институтах...

Признаюсь вам, дорогой Мурад, в эти минуты душа моя затрепетала. Нежные губы прелестной молодой женщины произносили приговор моему открытию... Произносили так просто, так обычно... Да неужели, скажите мне, стремление к карьере настолько заразительно, что оно способно убить даже идею, которая принесет пользу всему человечеству? Мой ум отказывался это понимать.

И еще. В нашей работе стало много паразитов. Знаете, есть такая трава — повилика? Незаметная, бледная, она, тем не менее, губит полезные растения, незаметно выпивая из них все соки... Если вы проворонили ее в своем цветнике — беда!

Ну, ладно, не расстраивайтесь. Еще не поздно... Вырывайте сорняк. Если необходимо, не щадите цветы, что растут рядом...»

Мурад не смог дочитать до конца. Что-то громко треснуло, и он проснулся. Сильный ветер вдребезги разбил оконное стекло. Жена, вставшая раньше, стояла над ним и улыбалась: «Ничего, это к счастью».

Наскоро умывшись, Мурад выпил пиалушку зеленого чая за низеньким резным столиком и заторопился на работу. Пересекая дворик, он, по обыкновению, тронул кустики райхана, чтобы вдохнуть их чудесный запах. Наклонясь, опять увидел ядовито-желтые нити повилики. Она как будто подросла за ночь и окрепла.

Тахиров начал с упоением вырывать цепкий, липкий сорняк...



# БИБИХАНУМ

## ПОВЕСТЬ

Пусть скажет Афрасиаб, скажут надписи

Орхуна —

В ожерелье истории, край мой,

Ты яркая жемчужина.

Эркин Вахидов

Там, где, широко разливаясь, привольно течет Сырдарья, есть приметный, поросший камышом остров. Омывая его, неторопливо бежит река, по ночам мерцающая серебристыми бликами лунного света. Шуршат камыши, и от легкого дуновения ветра их пушистые метелки опускаются в воду.

Спрячется серп молодой луны за облако, и все вокруг погружается во мрак. Бесконечно журчит река да лягушки выводят трели в камышах.

Но вот месяц опять вынырнул из облаков, отразился в воде... Лишь чуткое ухо да острый глаз смогли бы сейчас заметить двух всадников, пробиравшихся к островку. Один из них, что помоложе, правитель Хутталана, раскинувшегося между Вахшем и Шянджем, другой — лет тридцати. На нем, как и на первом всаднике, булатная кольчуга, на голове — шлем, на серебряном поясе — исфаганский меч. Припав к гриве коня и натянув поводья, он осторожно, стараясь не шуметь, переплыл реку. Покинув седло на каменистом островке и слегка прихрамывая, он направился к всаднику, прибывшему с другого берега. Подняв забрала, воины крепко обнялись, словно век не виделись, постояли так молча. Привязали к кустам озябших в холодной воде коней и присели на поросший мохом валун.

— Брат мой, — первым нарушил молчание узкоглазый всадник, прибывший с западного берега. — Вы, наверно, и не подозреваете, какое тяжкое бремя взвалил на мои плечи эмир Хусайн?

Молодой собеседник, от которого веяло могучим здоровьем и силой, устремив взгляд своих голубых глаз на гонимые ветром облака, спокойно ответил:

— Вам поручено убить лучшего друга или захватить его живым в плен? Чего еще можно ожидать от этого подлого властителя?

— Помните, — спросил хромоногий, — когда удача сопутствовала нашим друзьям-сарбадарам при защите Самарканда от монгольских полчищ Ильяса-ходжи? Хусайн обещал им поддержку? А потом... Многих наших друзей эмир вздернул на виселице, а за оставшихся в живых запросил непомерный выкуп.

— Помню, — коротко ответил голубоглазый воин. — Немногие тогда спаслись...

— А ведь я еще не рассказал вам о том, что обреченных, за которых запросили немалые деньги, не смогли выкупить даже родственники. Чтобы освободить их, я отдал еще золотые браслеты жены

Ульджай Туркан-ага — родной сестры эмира Хусайна. Питал надежду, что шурин, увидев браслеты своей сестры, устыдится и возвратит их. Но куда там! Да разве дело в браслетах... Не зря великий хан Казаган сказал о нем: «Не хватало еще этого сопляка, чтобы гоняться за властью...»

— Верно сказано, — поддакнул голубоглазый воин, недолюбливавший Хусайна.

— Словом, после этого случая совсем охладел я к нашему шурину. А когда, спустя некоторое время, спутница моей жизни Ульджай Туркан-ага, покинув бренный свет, отправилась в лучший мир, Хусайн и беки заподозрили меня в ее смерти. К счастью, бывает так: чужие люди ближе родных, хвала всевышнему. В ту трудную минуту меня поддержали вы. Сколько потом мы одержали побед, сколько крепостей взяли!..

— С божьей помощью, возьмем еще не одну! — поддержал его голубоглазый.

— После смерти жены все мне опостылело. Я оставил Балх, Хисар, Шадман во власти Хусайна, — продолжал хромоногий бек, — но он не оценил этого великодушия, строил козни, стремясь уничтожить меня. Наши победы его удручали, злили, вызывали негодование, зависть бурлила в нем, и он замыслил коварную месть: отобрать Мавераннахр, убить меня и сесть на трон. Вы же знаете, сколько раз мы сражались, и не было случая, чтобы он не был повержен. Но не подействовало, не образумило это его. Теперь хочет поссорить нас, чтобы сразу покончить с обоими противниками, вот и направляет нас друг на друга. Эмир Хусайн очень опасается вас, зная, что вы не откажитесь от мысли отомстить ему за младшего брата.

Вспомнив о фирмане — указе эмира Хусайна о казни его брата Кайкубада, голубоглазый крепыш недобро сжал кулаки, в глазах его вспыхнул гнев.

— Да, не зря он меня боится. Я не узнаю покоя, пока не отомщу за брата, — решительно заявил он, и рука невольно потянулась к эфесу сабли.

— Перед тем, как поехать сюда, — задумавшись, продолжал хромец, — я, как всегда, посоветовался с пиром-наставником, святым шейхом Зайнаддином Кулалом, высказал ему одну мысль. Надо, чтобы Хусайн не знал о нашей встрече. Если предстоит битва, притворимся, что я победил, а вы — бежали. Потом, да поддержит нас всевышний, в подходящий момент мы объединим наши силы, дабы покарать этого трусливого клятвоотступника. Что вы скажете на это?

Хусравбек в душе воздал хвалу прозорливости и холодному рассудку полководца, сидевшего напротив, человека, который нередко малыми силами одерживал победы над многочисленным противником, используя военную смекалку, взял столько крепостей, чье имя всегда сеяло панику в стане чигатайских монголов.

— Что ж, пусть будет так... После небольшого сражения я двину войска к Алайским горам. А вы, вернувшись, успокоите эмира Хусайна. Но долго я его терпеть на троне не желаю — огонь мести жжет мою душу.

— Я верю в вашу дружбу и вашему слову, эмир, — протянул жилистую руку наездник с раскосыми глазами. — Поклянемся же: если кто-либо забудет эти обещания, он не достоин имени Человека.

Они встали, взволнованные, вынули из ножен исфаганские сабли и, благоговейно прижав к губам, тихо произнесли клятву из Корана.

— Бог свидетель! — произнес хромоногий бек.

— Бог свидетель! — как эхо, повторил голубоглазый воин.

Вложив сабли в ножны, они отвязали похрустывавших сочной травой коней, взлетели в седла и вдели ноги в стремяна.

— Счастливо оставаться, Хусравбек! — направил коня к реке хромоногий воин.

— Счастливо доехать, Тимурбек! — взмахнул рукой его голубоглазый соратник.

\* \* \*

Когда конь Тимурбека, переплыв реку, вынес своего хозяина на берег, серп молодой луны снова нырнул в облака, и тропинка затерялась во мраке. По одну сторону дороги расстилались пшеничные поля, к другой вплотную подступали фруктовые сады. В небольшой рощице к эмиру присоединились ждавшие его здесь нукеры.

Эмир и словом не обмолвился с теми, кто встретил его в роще. Нукеры, прекрасно знавшие крутой нрав эмира, не смели и рта открыть, чтобы о чем-либо спросить его. Молча двинулись в путь.

Тускло светила луна, кони шли размеренной иноходью. Каждый был занят своими мыслями. Эмир ехал, опустив поводья, предавшись воспоминаниям детства и отрочества, проведенных в Шахрисабзе. С малых лет рос он среди воинов, видел жестокие схватки и сечи. В мальчишеские годы научился владеть саблями, стрелять из лука. В Шахрисабзе главную резиденцию Казанхана из рода Чигатаев — роскошный решетчатый дворец Занжирсарай, выстроенный искусными мастерами из Рума<sup>1</sup> и Фаранга<sup>2</sup>, охраняло несметное число нукеров. Его дед — богатырь Кечувли, проявляя чудеса храбрости в ночных сражениях, получил прозвище Сын Ночи. Вместе с ним Тимур не раз бывал в Занжирсарае и всегда зачарованно смотрел на изумительную по красоте цветную мозаику на фронте дворца. Дед частенько говаривал ему: «Когда вырастешь, тоже будешь служить в этом дворце и будешь славным рыцарем, как твой отец Тарагай». Эмиры, сражавшиеся за трон, не раз осаждали дворец и изрядно повредили его: двери дворца были разбиты, фронтон выщерблен бесчисленными стрелами.

... Во дворце этом родилась и год от года хорошела молодая луна, и немало богатырей теряло душевный покой, думая о ней. То была дочь хана Казана — царевна Сараймульк-ханум. Проходя вместе с дедом по саду Занжирсарая, Тимурбек не раз мимолетно видел юную царевну в окружении молодых служанок, и он уверовал, что Сараймульк-ханум — самое прекрасное из всех чудес дворца, повелительница мира красоты.

Завоевать любовь царевны, быть с нею рядом — мечта эта не покидала Тимура, преследовала его, не давала покоя ни днем, ни ночью. Он готов был свершить высочайший подвиг, только бы принести весь мир к ее ногам. Когда Тимурбеку минуло одиннадцать лет, пришла черная весть: хозяйка дворца Занжирсарая Казанхана убили беки хана Казагана. Тяжкая утрата больше всех обрадовала внука эмира

<sup>1</sup> Рум — Византия.

<sup>2</sup> Фаранг — Франция, здесь — Западные страны.

Казагана — Хусайна. Он не скрывал своей радости, хвастался, что отныне властвовать будет только его род.

Но, воодушевив Хусайна, весть эта тяжелым камнем легла на душу Тимурбека. Хоть и юн был, но гордец. Ведь еще дед его, богатырь Кечувли, был предводителем войска великого чигатайского хана Хубулайхана, и он, и сам хан души не чаяли друг в друге. Заботясь о будущем потомков, они на железных скрижалях написали завещание; на веки вечные ханами страны Чигатай должны быть потомки Хубулайхана, а верховными главнокомандующими — потомки багыра Кечувли...

\* \* \*

Сараймульк — Сокровище дворца — так ласково и уважительно звали Биbihанум. Совсем юную, не спросив ее согласия, отдали в жены молодому и знатному полководцу Хусайну, внуку хана. С тех пор часто слышала она от подруг, да и от невольниц удивительные рассказы о подвигах богатырей, но с особой любовью говорили они о деяниях молодого предводителя барласского племени Тимура. Где-то глубоко в душе у царевны рождались и не давали покоя сладостные чувства к этому отважному человеку. Сквозь решетчатые окна дворца краешком глаза ей иногда удавалось увидеть Тимура в окружении друзей-рыцарей, — гостей ее мужа Хусайна. И тогда трепетное сердце стучало сильнее.

Царевна тщательно скрывала свои чувства, но подруги, будто зная о ее переживаниях, все чаще говорили при ней о Тимуре, подчеркивая, что ему нет равных в фехтовании, стрельбе из лука, рукопашной схватке.

Оставаясь одна, Биbihанум часто вспоминала о нем, думая о его трудной судьбе. Воображение рисовало ей картины сражений, в гуще которых всегда был Тимур, и всегда он каким-то чудом выбирался из жестокой схватки и оставался невредимым.

... Предводителей тюркских племен в погоне за властью и славой все чаще разжигало пламя раздоров, а это ослабляло их и в конце концов привело к разгрому разрозненных сил. Спасаясь от преследований сильного, хорошо вооруженного и дисциплинированного монгольского войска, беки и их поредевшие отряды рассыпались, разбрелись кто куда. Шер Бахрам пошел к себе на Северный Памир, Хусайн — в Балх к своему деду Казагану, Хусравбек в свою провинцию Хутталан. Отчаянию Тимурбека не было предела. Предчувствуя какое-то знамение, он тайком пришел навестить своего духовного наставника-пира шейха Абу Бакира Тайбади. От других знаменитых шейхов он отличался тем, что не отвергал все земное, считая, что все блага на земле бог создал для человека, а из всех богатств выделял знания. Тимурбек знал и любил шейха с детства. Еще отец его Тарагай часто посещал Тайбади, видел бурные религиозные зикры — экстазные танцы с пением и музыкой.

Когда слуги доложили о приходе Тимура, он сидел у себя во дворе у бассейна на циновке и нараспев читал богоугодные молитвы. Шейх дружелюбно встретил Тимура, усадил его перед собой и стал расспрашивать о жизни и делах. Он придавал большое значение таким мирским делам, как борьба за власть в Мавераннахре, объясняя

это так: богу угодно, чтобы мусульмане не отдавали свои земли неверным, и призывал всех объединиться под знаменем ислама.

То и дело впадая в задумчивость, шейх предоставлял возможность высказаться молодому беку. Ему нравились незаурядный ум и неумная энергия воспитанника. Тимурбек, придя сюда в смуте и тревоге, после непродолжительной беседы обычно обретал при-  
сущее ему спокойствие духа. Так случилось и в этот раз.

— Великий пир, я пришел за вашим мудрым советом, — обратился он к наставнику, глядя на него глазами, полными страдания.

— Говори, сын мой, что мучает тебя, какие сомнения одолевают?

— Прибыл гонец от верховного хана Туглук Тимура, — задумчиво стал рассказывать молодой воин. — Монгольский хан со своим войском перешел через Сырдарью около Ходжента. Он послал нашим предводителям и мне грамоты о том, чтобы мы помогли ему в завоевании Мавераннахра. Я сказал эмирам, что если мы пойдем служить Туглук Тимуру, то получим два выигрыша и один проигрыш. Если же, решив с ним не встречаться, мы отойдем на Хорасан, будем иметь один выигрыш и два худа. Так что лучше будет, если пойдем к хану. Но они не послушались моего совета и отправились к себе в Хорасан. После их ухода заколебался и я, и теперь не знаю, куда идти? Как быть в таком случае, о мой великий пир? — в ожидании ответа Тимур грустно глядел в бассейн, в котором плавали листья чинары.

Мудрый старец, как всегда, отвечал притчей:

— Один мусульманин подошел к великому Али — четвертому халифу правоверных и спросил: «Если небеса превратились в огромную тетиву лука, если все беды превратились в стрелы, если люди превратились в цели, и если натягивает тетиву бог, куда люди могут идти, чтобы спастись?» Хазрат Али ответил: «К богу». Так и ты, мой сын, иди к верховному хану, заслужи его расположение, и будет от этого великая польза народам Мавераннахра.

Тимур задумался, услышав такой совет — что скажут другие беки?

Попрощавшись с наставником, он пошел к себе, решив, по обыкновению, погадать на Коране. Произнося слова восхваления аллаху, он раскрыл наугад одну из страниц священной книги. Прочитал сурю о Юсуфе и обрадовался, потом заволновался: «Это ведь Юсуф вначале стал рабом, а потом царем Египта. Не предзнаменование ли это?..» И стал собираться в путь.

Но не успел он отправиться, как принесли весть о том, что к Мавераннахру приближаются войска трех джетинских военачальников — значит, не миновать грабежа. Авангардные части этих войск уже подошли к Янгибазару.

И Тимур решил: до встречи с ханом увидаться с эмирами и любым путем предотвратить грабежи и бедствия. Наслышанный об алчности эмиров, он с большим обозом даров пошел им навстречу.

То ли монгольские эмиры были наслышаны о деяниях молодого Тимура, то ли обрадовали их ценные дары, но встретили они его дружелюбно.

Сразу же после этой встречи Тимур отправился в лагерь верховного хана Туглук Тимура и предложил свои услуги.

А через некоторое время до хана дошла весть о том, что три воена-

чальника присвоили дары, полученные от тюркского населения, и это не на шутку разгневало его. Он немедленно приказал уволить этих военачальников и изъять добычу.

Обиженные эмиры отвернулись от хана и с войском возвратились в свои края. Через некоторое время к ним присоединились и другие джетинские эмиры, недовольные правлением хана.

Не на шутку обеспокоенный таким оборотом событий, хан, по совету Тимура, собрал войско и выступил в поход на степь Джете, против взбунтовавшихся эмиров, передав правление Мавераннахром Тимуру. Ему же он оставил и десяти тысячное войско Карачара-нуяна. Все это хан закрепил собственноручной подписью и печатью в ярлыке, выписанном на имя Тимура.

Так в год 1360 Тимур стал правителем Мавераннахра.

... Минуло всего два года. Достиг совершеннолетия Ильяс-ходжа, сын Туглук Тимура. Поправились внутренние дела Чигатайского государства. Хан передал власть сыну, а Тимур стал главнокомандующим войсками.

Это очень задело самолюбие Тимура, но хан, по-отечески наставляя его, показал металлическую пластину с завещанием дедов о том, чтобы ханами всегда были потомки Хубилая, а главнокомандующими — потомки Кечувли Богатыря. Нарушение завещания отцов и дедов было равно вероотступничеству, и Тимур принял командование войсками.

Молодой хан Ильяс-ходжа большого авторитета еще не имел, и эмиры, пользуясь своей безнаказанностью, держали себя вызывающе. Видя это, Тимур принимал самые крайние меры против расшатавшихся монгольских эмиров. Положение становилось невыносимым. Поэтому молодой хан отправил тайком письмо отцу, Туглук Тимуру, в нем он жаловался на неповиновение главнокомандующего. В ответном письме отец распорядился сместить Тимура. К счастью, письмо перехватили в пути и принесли Тимуру.

Тимур собрал на тайный совет своих верных людей. Нужно было решить во что бы то ни стало: подняться на открытую борьбу или безропотно оставить службу. Оба варианта были отвергнуты. Выбор пал на третий: вместе с самыми надежными людьми незаметно отойти от хана, а затем организовать и объединить отряды для борьбы против монголов.

Узнав о бегстве тюркских военачальников, Ильяс-ходжа разослал повсюду свои отряды, дабы схватить беженцев.

Это были самые трудные годы скитаний. Прячась от преследователей, отряд Тимура двигался только ночью.

На пути к Хорезму к Тимуру присоединились другие отряды добровольцев, ополченцев. Среди них был и эмир Хусайн со своей дружиной. Теперь это была уже сила — шестьдесят воинов.

Тем временем Ильяс-ходжа направляет письмо правителю Хорезма, требуя схватить и передать Тимура монгольским властям.

Тот незамедлительно выступил в поход со своим тысячным войском.

Отряды Тимура не оставалось другого выхода, кроме сражения. Шестьдесят отчаянных конников вступили в неравный бой с тысячей всадников хорезмского правителя.

Соратники Тимура показали чудеса храбрости. Многие из них погибли, но прежде уничтожив сотни воинов врага. Из тысячи хорезмских всадников остались пятьдесят. Из шестидесяти героев Ти-



мура — только десять. И эти десять богатырей обратили противника в бегство.

Весть об этом быстро долетела до Ильяса-ходжи. Его полководцы были изумлены — Тимур не только чудом уцелел, но и обратил в бегство врагов. Нет, здесь что-то не то, решили они, все это противоречит здравому смыслу. Теперь-то ясно, что ему помогает сам бог, придется признать, что это необыкновенный человек...

\* \* \*

... Вдалеке от лагеря всадники сменили коней — так никто не узнает, что ездили далеко да еще на переговоры с предводителем вражеского войска. В полночь прибыли в лагерь... Увидев бека, приближенные и военачальники почтительно встали из-за дастархана, растеленного близ шатра на зеленой траве.

У шатра провели малый совет. Бек внимательно выслушал соображения военачальников и вынес решение: немедленно готовиться к битве, чтобы утром, сразу же после молитвы, начать наступление. Приказ донесли до каждого тумена<sup>1</sup>, до каждого булика<sup>2</sup>.

Завершив совет краткой молитвой, Тимурбек отпустил свиту и, обойдя шатер, растянулся на зеленой траве. Он положил раненую, уже начавшую заживать руку под голову... и загляделся в небо, где, поблескивая, уже закурили свой хоровод звезды. Прохладный ветерок с реки, стрекот кузнечиков навевали мысли не о войне, а о мире. В такие ясные ночи Тимурбек забывал о том, что он воин. Часами мог он читать стихи и слушать печальные песни народа.

И все же жизнь казалась Тимурбеку прекрасной, воздух был настоен на свежих травах, звонко пели кузнечики и между клочьями белесых облаков медленно плыла луна. В такие мгновения он чувствовал в себе могучую, неумную силу. Он мечтал лишь о том, чтобы победили честные и благородные люди, умеющие ценить человеческое достоинство.

А время было беспокойное. Потомки монгольских завоевателей уже давно не столь могущественны, как прежде. Но невероятно трудно объединить тюркских эмиров, поднявшихся на святое дело — освобождение родной земли от иноземных захватчиков. Каждый хлопочет, прежде всего, о своих интересах, и получается, что его заклятые враги не монголы, а свои кровные братья. Многие эмиры чванливы, хвастливы. Борясь за власть, они готовы превозносить свои деяния до небес. А как иначе, если интересовала их не судьба народа, а только трон. Эмир шейх Мухаммад, сын Ябан Сулдуза, Алибек, эмир Хусайн — все они были готовы на любую подлость, лишь бы принизить, подмять, уничтожить соперника.

Хусайн, конечно, самым достойным преемником трона Мавераннахра считал себя. Располагая громадным войском, он тем не менее уклонился от битвы под Пулисангином с тридцатитысячным войском монгольского царевича Ильяса-ходжи. Сколько славных тюркских полководцев, сколько соратников погибло тогда под гулками сводами каменного моста, в ревушем потоке бешеной реки. Божьей милостью Тимурбек одержал тогда победу, а на трон взошел Хусайн,

<sup>1</sup> Т у м е н — войсковое подразделение в десять тысяч всадников.

<sup>2</sup> Б у л и к — сотня, боевая единица у тюрков.

потому что был внуком хана. Пожелает ли он терпеть рядом умного и храброго соперника? Конечно, нет...

Тимурбек никогда не испытывал привязанности к Хусайну, но эмир был его родственником, товарищем юности, и он не желал распрей между ними, понимая, что это ослабит каждого. Однажды они вместе отправились к святой могиле Ходжи Шамсиддина Фагфури — бывшего когда-то духовным наставником Тимурбека. У изголовья гробницы они поклялись на Коране никогда не предавать друг друга. Тимурбек отдал Коран Хусайну, чтобы он всегда был с ним, и если мысль о предательстве заползет вдруг в сердце, увидев эту священную книгу, он сможет удержаться от подлого шага. Так считал Тимурбек. А Хусайн вскоре забыл о клятве... Выступив во главе войска из Балха, он захватил у Тимурбека крепость Карши и провозгласил себя единственным властителем Мавераннахра...

Небо прочертила хвостатая комета. Она оставила за собой молочный след и канула в безбрежные просторы космоса. Тимурбек усмотрел в этом божественное предзнаменование, и сердце его сжалось. Чья звезда закатилась? Может быть, Хусайна? Бек невольно вспомнил Хусайна и его жену — небесную красавицу Сараймульк-ханум. Хоть и смертный грех думать о замужней женщине, он не мог удержаться. Но вскоре мысли о предстоящем сражении вытеснили все остальное. Песчаный ураган многочисленных каждодневных битв засыпал светлый родник надежд в душе эмира и грозил уничтожить его навсегда...

В предутренних сумерках, сразу после молитвы, закипела битва. И вот уже до слуха Тимурбека, вместе со свитой наблюдавшего у шатра за ходом сражения, донеслись возгласы: «Враг отступает! Враг отступает!» Подскакали командиры буликов. Спешившись, они сообщили — неприятель бежал за реку, — и просили позволения преследовать его.

— Враг бежал — это наше счастье, — спокойно заметил Тимурбек. — Нет смысла преследовать его. К тому же и времени у нас в обрез. Нужно сниматься и поскорее сообщить хану в Балх радостную весть. Возвратимся в Карши и порадуем наместника Хусайна — эмира Мусо.

Сказав так, он приказал трубить сбор и отправляться в обратный путь. Тут же было составлено письмо эмиру Хусайну, в котором сообщалось о славной победе. Гонец увез его адресату.

Дворец эмира Хусайна в Балхе был воздвигнут когда-то по велению эмира Казагана. Роскошный, в пышном убранстве, прятался он в густом тенистом саду. В гарем, что за дворцом, вел узкий мостик над каналом с кристально чистой водой. В воде, как в зеркале, отражались и мостик, и восьмигранная беседка с мраморными колонками, место для прогулок, огороженное лепной решеткой. Ветви плачущих ив — этих меджунов Востока — на берегу канала напоминали каскады водопадов. В аллеях, обсаженных кипарисами и самшитами, не видно ни души.

В самом потаенном уголке сада, в резной каменной беседке на атласных подушках восседает любимая жена эмира Хусайна — Сараймульк-ханум — она играет в шахматы с сербиянкой. Обычно одерживавшая победы, царица играет сегодня рассеянно и уступает слу-

жанке. Глаза ее устремлены на шахматные фигурки, а мысли, судя по всему, где-то далеко...

— Моя госпожа, вы сегодня отчего-то рассеянны, — пошутила служанка. Верхние пуговицы шитого золотом камзола у нее расстегнуты, длинные волосы подвязаны голубым шелковым платком. Она обмахивается веером. Вот служанка переставила фигуру и угрожает ладье царевны.

— Да? — рассеянно спросила Сараймульк-ханум. — Но зато вы сегодня проворны, — царевна поправила покрашенными хной нежными пальчиками локон, выбившийся из-под кокетливо повязанного белого шелкового платка. — Надеюсь, ваша проворность сослужит сегодня нам хорошую службу, — таинственно закончила она.

Смысл этих слов сербиянка, уже знавшая все тонкости чигатайского диалекта, поняла сразу. Царевна долго испытывала ее преданность и теперь безгранично доверяла ей даже самые сокровенные тайны.

— Будь у меня не одна, а тысяча жизней, я, не колеблясь, пожертвовала бы ими ради вас, царевна, — сказала служанка, приложив руки к сердцу и слегка поклонившись.

Сараймульк-ханум доверительно обняла служанку за плечи и зашептала на ухо:

— Наш господин, кажется, замыслил что-то недоброе. Он хочет погубить своего друга и родственника — Тимурбека. Ты, вероятно, знаешь, что когда-то Тимурбек захватил крепость Карши, а эмир Хусайн отобрал у него этот город. И вот, якобы для того, чтобы договориться мирно, он на днях пригласил Тимурбека на встречу в одно укромное место. По замыслу хана, Тимурбек должен приехать туда в сопровождении только своей свиты. Эмир же отправится туда с воинами, и они перебьют всех. Ночью эмир Хусайн проговорился во сне. Теперь мы должны сделать доброе дело...

— Но чем же мы можем помочь? — простодушно спросила служанка.

— Если мы с умом возьмемся за дело, спасем от неминуемой гибели мужественного рыцаря, — взволнованно произнесла царевна, доставая из рукава шелковый платочек. — Среди богатырей, охраняющих замок, есть и ваши земляки. Вы тайно договоритесь с одним из них, чтобы он доставил письмо, спрятанное в этом платке, предводителю войск эмира Хусайна — Шер Бахраму. А Шер Бахрам доставит его Тимурбеку. Если последний вовремя получит известие о замышляемой подлости, он во веки веков не забудет тех, кому обязан жизнью.

Служанка поняла: настал, наконец, час, когда она, действительно, может «пожертвовать не одной, а тысячью жизней во имя царевны». Взяв из рук царевны алый платок, благоухающий амброй, она спрятала его в потайной карман.

— В добрый путь! — сказала царевна, и тревога сжала ей сердце.

— Счастливо оставаться, моя госпожа! — улыбнулась служанка и удалилась.

Царевна тоже покинула зеленую беседку и направилась в покои. Заперев дверь спальни, она упала лицом в подушку на своем роскошном ложе. Душа ее была невыразимо смятена: она удивлялась себе и никак не могла понять — что толкнуло ее на этот шаг... Разумом царевна осуждала себя, а сердце властно требовало предотвратить

задуманное Хусайном. Муж ее — чернобровый, черноглазый таджик с мужественным лицом был настоящим воином, дальновидным полководцем. В военной смекалке и хитрости он не уступал Тимуру, а в управлении государством был более жестоким. Его жестокость уже не знала предела: не доверяя главному судье, Хусайн сам вершил суд, был неумолим в судебных разбирательствах... Он не терпел пререканий, не допускал сомнений в правильности вынесенных им приговоров. Соблюдая сарбадарские традиции, хан одевался просто и скромно, однако ж выглядел грозно. Суд он вершил с железной палицей в руках, и, если кто-либо давал неверные показания, заговаривался, плутовал, царь бил его этой палицей. Одни считали его хитрым, завистливым, коварным, другие превозносили до небес его достоинства.

Любил ли он Сараймульк-ханум? Трудно сказать. Эмир никогда об этом не говорил ни ей, ни кому иному. Хусайн почти всегда был в походах, во дворце появлялся редко, и весь отдался ратным подвигам. Он снискал воинскую славу, но было в нем что-то пугающее, отталкивавшее царевну. Она знала, что его душу одолевала жажда власти, власти над всем миром, и оттого походы и битвы были ему милее дворцовых утех.

Как ни пыталась царевна заснуть, беспокойные мысли, сменяя одна другую, обуревали ее, лишали сна. Долго она лежала забывшись, закрыв глаза. И увидела сон.

Конь ее споткнулся, она упала с него и полетела в страшную бездну. А там кишмя кишели, сверкая чешуей, ярко-красные, светло-желтые, зеленые змеи. От страха зашло сердце, пыталась закричать — не могла. И все падала и падала на кишачий клубок змей. В это мгновение из-за облака вылетел всадник на белом коне и подхватил царевну сильными могучими руками. И похож был этот всадник на Тимура. А за ним, тоже выскочив из-за облака, гнался другой всадник, похожий на эмира Хусайна. Беглецы приближались к солнцу. Сараймульк-ханум изо всех сил прижималась к могучей груди всадника. А конь нес их все выше и выше. И от солнечных лучей становилось все жарче и светлее...

Пока царевна плыла в дивном сне, в Шахрисабзе, в саду Занжирсарая, у мраморного хауза Тимурбек играл в шахматы со своим славным соратником — эмиром Джаку. Полководец Джаку был неразговорчивым, из тех, кто семь раз отмерит, а уже потом отрежет. Вот и сейчас, не отрывая глаз от доски, он обдумывал очередной ход. В шахматах и шах и нищий равны, и потому каждый стремился выиграть партию. Эмир Джаку придумал уловку и двинул ладью в неприятельский стан. Тимурбек, зная, как хитер Джаку в шахматах, быстро прикинул, что кроется за этим подвохом, и, сделав вид, что попался на уловку, ответил ходом ферзя.

В это время к играющим подошел высокий, могучего сложения привратник и сообщил, что прибыло посольство из Балха.

— Продолжим на рассвете, — нехотя отвлекаясь от игры, предложил Тимурбек и, подозвав вооруженного нукера, приказал никого не подпускать к шахматам, чтобы не нарушить позицию.

Воздав благодарственную молитву аллаху, все встали с мест и перешли в роскошную, специально оборудованную для приема послов

комнату. Окруженный свитой, Тимурбек расположился на троне. Он оглядел всех присутствующих и приказал впустить послов.

Первым вошел посол в чалме свинцового цвета, с длинной черной бородой. За ним шествовал его помощник с богато украшенным Кораном в руках.

Тимурбек сразу узнал священную книгу. Много лет назад он и эмир Хусайн поклялись именно на этом Коране, что освободят родину от монгольских захватчиков, будут помогать друг другу в святом деле, никогда не предадут друг друга. Сколько битв было после той клятвы, сколько тюркских рыцарей сложило головы ради освобождения родины от захватчиков.

«Какими друзьями были, — с сожалением думал Тимур о Хусайне. — Да, он слыл самым упрямым и храбрым эмиром; «по временам его строгость доходила до такой степени, что он приходил в «диван жалоб» с железной дубинкой; если истец и ответчик путались в своих речах или не понимали глубины его решения, он жестоко бил их этой дубинкой. Был так бережлив и скуп, что носил одежду из хлопчатобумажной ткани; если его одежда рвалась от трения о луку седла, то он клал заплату»<sup>1</sup>. Этим Хусайн подчеркивал свое пренебрежение к роскоши. Или он подражал знаменитым мятежникам сарбадарам-висельникам, которых сам же предал пять лет назад? Но ведь Хусайн сначала поддерживал их борьбу против монголов».

Перед глазами Тимура возникли героические и трагические картины сарбадарских событий.

В год змеи, весной 1365 года верховный монгольский хан Ильяс-ходжа предпринял очередной поход на чигатайских тюрков. Монгольские ханы хотели воспользоваться смутным временем, междуусобицей чигатайских эмиров, чтобы распространить свою власть и на Мавераннахр. В то время южной частью Мавераннахра правил эмир Хусайн. Он решил встретить врагов на подступах к своим владениям. Но все труднее становилось отражать нашествие монголов, владевших Семиречьем и Восточным Туркестаном.

22 мая 1365 года на берегу реки Чирчик тумены Хусайна и Тимура были разбиты наголову. Оба эмира после кратковременной остановки у Шахрисабза бежали за Амударью. Среди народа распространились слухи, что много обещавшие эмиры Тимур и Хусайн не смогли защитить страну и отдали ее на разграбление монголам.

Окрыленные победой, войска монгольского хана Ильяс-ходжи взяли направление на Самарканд. Жители города провели эти ночи без сна, в тревожных ожиданиях, в предчувствиях близкой беды.

Было ненастное утро. На улицах Самарканда свежий ветер рвал молодые, еще беспомощные листья чинар. В ожидании нашествия монголов жители города — стар и млад, торговцы и ремесленники, ученые и простой люд собрались в соборной мечети. Лица всех выражали тревогу и отчаяние.

Вдруг появился юноша, хорошо одетый, опоясанный мечом. Он принадлежал к ученой знати. Это был Мухаммад Мавлон, известный среди народа храбростью и искусством в стрельбе из лука. Медленными шагами подошел он к кафедре и обратился к собравшимся:

— Ахли жамоа! — Собрание мусульман! Ныне хан Ильяс-ходжа с

<sup>1</sup> Слова историка Фазлуллаха Мусави, приведенные В. В. Бартольдом.

превосходящими силами идет на нас для разбоя и уничтожения мусульман. Наши правители, которые приходят и уходят, но всегда и постоянно взимали с нас — мусульман подушную подать, называя ее пошлиной и поземельной податью, и расходовали ее не на благие цели, а для удовлетворения своих прихотей. Причем, они обещали навечно оберегать нас от посягательств всяких врагов. А теперь, при появлении врага они оставили мусульман без защиты и сбежали. — С этими словами Мухаммад Мавлон взглядом всех присутствующих и, убедившись в их сопереживаниях, продолжал: — Жители нашего города могут заплатить за себя выкуп и поднести монголам дары. Но этим мы не спасемся. Что делать нам теперь в тяжкие для нас и для родины дни? Мусульмане! В день Страшного суда вас призовут к ответу. Кто возьмет на себя защиту ислама и ответственность за судьбы народа и родины, чтобы и мы так же, положив руку на сердце, верой и правдой служили ему?!

Все вельможи и знатные люди хранили молчание. Окинув еще раз взглядом собрание мусульман, Мухаммад Мавлон продолжал:

— Я вижу: никто не решается... Но если я возьму ответственность за судьбу города на себя, могу ли я рассчитывать на вашу помощь и поддержку?

Все единодушно согласились на это и признали его своим вождем. Мухаммад Мавлон показал на стоявших в углу собора кузнецов богатырского сложения и распорядился раздавать оружие.

Участники обороны города — сто тысяч вооруженных мужчин, пожилых и молодых, из разных сословий поклялись на Коране беспрекословно выполнять все приказы вождя. «Если нарушим эту клятву, пусть ложе наше, которое разделяем с женами, будет для нас недостойным!» — сказали они.

Три дня и три ночи готовились защитники города к отпору врага. Мухаммад Мавлон потребовал свитки со списками всех жителей, чтобы каждому определить задачи и место в обороне. По его велению на улицах возводились заслоны из бревен, мешков с землей, арб. По обеим сторонам улиц из конца в конец были построены навесы для стрелков на случай прорыва врага через заслоны. Днем и ночью каждый оставался на своем посту. Запрещалось без приказа предпринимать какие-либо действия, как внутри городской ограды, так и вне ее. В четырех кварталах вдоль главной улицы, где находился оставленный открытым проход, поставили в засаду тысячу стрелков.

Сам Мухаммад Мавлон с другим отрядом занял позицию в глубине той же улицы.

Во всех приготовлениях к защите города его первыми помощниками были Хурдак Бухари и Абубакир Калави — мастер-текстильщик, они и стали предводителями обороны сарбадаров.

Отряды монголов, уверенные в успехе, начали штурм города. Главные силы устремились в открытую улицу, миновали засаду и наткнулись на заслоны отряда Мухаммада Мавлона. Руководитель обороны велел ударить в барабаны, и началось сражение. На монголов со всех сторон полетели камни из пращей, стрелы из луков, посыпались бревна, доски...

Монголы повернули коней вспять, теряя многих убитыми и ранеными. Сотни попали в плен...

На следующий день монголы возобновили атаку с большей пред-

усмотрительностью. Они применили обычную тактику кочевников: притворное бегство и неожиданное нападение. Но и это не принесло им успеха.

Потеряв надежду взять город приступом, монголы отступили.

В монгольском лагере по непонятным причинам начался падеж лошадей. Это подстегнуло отступление врага. Мусульмане возликовали и возносили хвалу аллаху, милость божья спасла их и город от посягательств неверных.

Из чигатайских эмиров, бежавших за Амударью, первым узнал о народном восстании в Самарканде Тимур, стоявший с войском около Балха. Принес это известие Аббас-бахадур, посланный сарбадарами во главе конного отряда к Железным воротам, где он встретил летучий дозор Тимура. Эмир был чрезвычайно обрадован неожиданным оборотом событий, хотя в душе чувствовал огромный стыд за свое бегство. Он с почестями отправил обратно посланника самаркандских повстанцев, дав ему в помощь одну тысячу всадников. Затем послал гонца с радостной вестью к Хусайну, стоявшему дальше к востоку, в урочище Шиберты, назначив ему встречу.

Около Боглана, к югу от Кундуза, произошло свидание эмиров. После долгих обсуждений было решено отправить восставшим посла с дорогими дарами, грамотой на управление Самаркандом и посланиями, в которых предводителям восстания давались клятвенные обещания в полной поддержке.

Сарбадары с удовлетворением приняли знаки внимания эмиров. Со своей стороны сарбадары отправили послание и подарки Тимуру в Карши. В послании они выразили желание и впредь быть «счастливыми подданными высокочтимого эмира Хусайна».

В течение зимы Тимур посылал в Самарканд своих уполномоченных для участия в решении важных дел и этим еще более укрепил в правящих кругах сарбадаров доверие к Хусайну.

Тем временем Хусайн исподволь готовил поход на Самарканд. Весной 1366 года, накануне похода, он отправил туда послов. Велел передать вождям сарбадаров, что он питает к ним «полное доверие», что в его глазах они лучше всех эмиров и что он готов по их просьбе встретиться с ними на равнине Кани-гиль.

Хусайн зимовал в Сали-сарае, на берегу Амударьи, в резиденции деда Казагана, Тимур — в Карши, где в течение зимы сумел закончить постройку городских стен.

Из Самарканда же доходили слухи о том, что, возгордившись победой, одержанной почти без помощи царей и эмиров, трое предводителей сарбадаров и их сподвижники стали позволять себе насилие и притеснение остальных жителей. В письмах проскальзывали слова о том, что «свои» стали хуже «чужих»...

Ранней весной 1366 года Тимур и Хусайн подошли к Самарканду и расположились в равнине Кани-гиль, к северо-востоку от города. Вскоре сюда прибыли сарбадары с подарками, Хусайн милостиво принял и отпустил их. На другой день они явились снова, с еще большим количеством подарков.

Но произошло неожиданное! На пути в лагерь, на берегу потока реки Кирноз, все предводители сарбадаров были схвачены. Их обвинили в «узурпаторстве, насилиях над подданными эмира» и осудили на казнь. Этой участи избежал только Мухаммад Мавлон. Помилование пришло к нему... у подножия виселицы. Будучи уверен-

ным в верности трону главы сарбадаров, Тимур в последний момент настоял на сохранении ему жизни.

«Тогда эмир Хусайн разделался с преданными защитниками Самарканда. А теперь что он задумал?..»

После долгого молчания Тимур дал знак послу, что готов его выслушать.

— Да будет трон ваш вознесен выше, чем крыша неба, — витиевато заговорил посол. — Великий эмир, правитель Мавераннахра Хусайн ибн Абдулла ибн Казаган шлет дружеский привет славному правителю Карши и Шахрисабза Тимурбеку ибн Мухаммад Тарагаю, выражает ему свою преданность и надеется на взаимное дружеское расположение.

Произнес эту тираду, посол осторожно взял из рук помощника Коран в черном бархатном переплете, украшенный яхонтами, и преподнес Тимурбеку.

Тимурбек бросил взгляд на эмиров, расположившихся вдоль стен роскошного зала, и, прочитав в их глазах молчаливое одобрение, встал с места. Приняв Коран из рук посла, произнес короткую молитву и приложил священную книгу к глазам.

— И мы изъявляем, как и прежде, наши дружеские чувства эмиру Хусайну и обещаем ему нашу верность и преданность, — сказал он и, мгновенно помолчав, добавил: — Но того, кто предаст забвению клятву и изменит другу, пусть настигнет божья и человеческая кара.

— Да будет так, — торопливо заключил посол. Затем, повернувшись к присутствующим, продолжил: — Его величество эмир Хусайн выразил желание встретиться с его величеством Тимурбеком. Место встречи можете назначить и вы. Однако эмир Хусайн предлагает эмиру Тимурбеку прибыть в ущелье Тангачакчак в сопровождении нескольких нукеров. То же самое сделает и великий хан Хусайн ибн Абдулла ибн Казаган. Хан решил, что пора покончить с враждой и объединить наши силы и войска для отражения любого противника.

Посол умолк, ожидая ответа.

Тимурбек припомнил ущелье Тангачакчак в горах Хисара. В неспокойные годы в этом ущелье поклялись они с эмиром Хусайном на Коране в вечной дружбе. Вот почему для хана свято это место и он назначает там встречу. Что ж, пусть будет так...

— Передайте эмиру, — сказал он послу, — что в назначенный день и час я буду в условленном месте.

По приказу правителя на послов надели дорогие халаты, в их честь был устроен пир. После пира, одарив дорогими подарками, послов проводили с большими почестями и пожеланиями благополучия им и их семьям.

Не успели послы отбыть из замка, как привратник сообщил Тимурбеку, что какой-то человек просит принять его.

— Пусть войдет, — велел Тимурбек.

Привратник нерешительно топтался на месте.

— Ну, что же ты стоишь?

— Этот человек хочет говорить с вами наедине.

— Хорошо, — сказал Тимурбек и обратился к придворным: — Оставьте нас одних.

Все, отдав поклоны, удалились.

Вошедшего человека, бородатого, густобрового, бек не узнал. Но



когда тот сорвал с лица накладную черную бороду, Тимурбек узнал в нем своего бывшего сподвижника Шер Бахрама и радостным объятием приветствовал его.

Рыцарь, проделавший на скакуне неблизкий путь, выглядел усталым, глаза блестели, пыль покрывала его одежду.

Преклонив колени, гонец протянул беку инкрустированную шка-тулку.

— Ваш покорный слуга сейчас — гонец царевны, — прошептал воин, не отрывая глаз от бека.

Тимурбек дрожащими руками сломал сургучную печать, открыл шкатулку и извлек алый платок с письмом на шелковой китайской бумаге. Увидев платочек, бек пришел в смятение. Узнав почерк царевны, он сумел скрыть волнение и внешне остался невозмутимым. Быстро прочитав письмо и благодарно взглянув на своего верного друга, служившего у Хусайна, его вечного друга-врага, бек хлопнул в ладоши, и Шер Бахрам в мгновение ока снова надел бороду.

Вошел привратник.

— Этот воин достоин высокой награды. Одарите его и проводите с почетом. И пусть войдут эмиры и улемы...

Воин, поблагодарив, с поклоном удалился.

Тимурбек задумался. Рассказать ли придворным о коварном замысле эмира Хусайна, послы которого только что передали ему заверения хана в вечной дружбе?! Сказать, и люди, только что обрадованные сообщением послов эмира, снова впадут в уныние. Не сказать, значит, пойти в назначенное место без войска, в сопровождении лишь нескольких нукеров. А поведи он с собой войско, все сочтут его за труса. Нет, лучше сказать открыто всем о коварном замысле эмира Хусайна. Пусть бесстрашный поступок Шер Бахрама послужит примером честности другим. Тимурбек вспомнил, как он, вместе с Шер Бахрамом, бежал от преследовавших монгольских полчищ, как смерть смотрела им в глаза на каждом шагу, сколько мытарств испытывали они, и как обрадовался сейчас встрече Шер Бахрам.

— Достопочтенные, — сказал бек эмирам и улемам, — только что послы эмира Хусайна передали клятву на Коране в вечной дружбе. Но Хусайн оказался клятвоотступником, поправшим и веру и совесть. Только что я получил известие от верного человека, который служит у Хусайна. Этот человек проявлял чудеса храбрости в битвах против монголов, а потом пошел служить эмиру Хусайну. Но он не забыл нашей прежней дружбы и привез письмо, предупреждающее меня о смертельной опасности. Хусайн придет в ущелье Тангачакчак во главе нескольких туменов. Он замыслил запереть нас в ущелье и перебить всех до одного.

Послышались возмущенный ропот, возгласы негодования. Эмиры, шейхи, улемы держали совет. Решено было идти в ущелье Тангачакчак с большим войском.

В ущелье благоухали травы, весело журчали ручьи, красивый кустарник, цветущие урючины, фисташковые и миндальные деревья, зеленые поляны в цветах уподобили это место раю, скрытому от непосвященных глаз.

Солнце, выкатившись из-за цепи гор, рассыпало первые лучи. Прозумевший ночью дождик словно вымыл этот мир, все искрилось и сияло. Весело щебетали в траве и на деревьях птицы.

Далеко внизу катилась, прыгая с валуна на валун, бурная горная речка. Воздух пьянил ароматом дикого базилика, мяты и пахучей ели. Над зеленой травой порхали бабочки и стрекозы. Мир и покой царили вокруг, и природа словно радовалась этой тишине.

Тимурбек, спрятав недалеко от ущелья тумен, с десятком нукеров подъехал к входу в ущелье и спешил. Красивая природа очаровала воинов, а Тимурбек был мрачен: не верилось, что луга и берега реки в этом райском уголке вскоре огласятся воинственным кличем и окропятся кровью. Не поступишь Хусайн совестью, не нарушишь клятву на Коране, и не нужно было бы это сражение, не пролилась бы кровь тысяч воинов, и тысячи детей не остались бы сиротами. Но слово высказанное — что выпущенная стрела. А пущенную стрелу не воротить.

Словно подтверждая эти мысли, с противоположного конца ущелья донесся глухой топот тысяч копыт. Эмир Хусайн, заманивший Тимурбека на встречу, ехал с немалым войском. Когда тысяча всадников Хусайна вошла в ущелье, войско Тимурбека, по сигналу карнаев, закрыло ущелье.

И щebetанье птиц заглушили ржание вспотевших коней, звон сабель и копий, треск пробитых щитов, крики радости и отчаяния.

Вода в реке на дне ущелья стала красной...

Эмир Хусайн поостерегся войти в ущелье с войском. Он остался недалеко от входа в него, поставил шатер и стал ждать, когда приволокут и бросят перед ним на землю связанного по рукам и ногам Тимурбека. Но услышав шум ожесточенной битвы, вскипел гневом. «Измена! — эта мысль, как молния, сверкнула в голове хана. — Кто же предал? Кто сообщил Тимурбеку, что я иду с войском? Проклятье! Везде шпионы, изменники!»

Пока эмир Хусайн в гневе ждал известий, несколько сотен, прорвав окружение войск Тимурбека, поскакали к шатру. Среди богатырей, вырвавшихся из окружения, был и Шер Бахрам.

Он поймал себя на мысли, что не знает, куда же дальше следовать — ведь ему необходимо вывести воинов из окружения.

Натянув поводья разгоряченного коня, Шер Бахрам оглянулся. Увидев лавину своих воинов, он понял, что остановить их теперь невозможно, и надо, положившись на волю бога, сказать хану о том, что случилось.

Это было нелегко. Эмир Хусайн не любил проигрывать сражений и нередко в гневе карал смертью гонцов, приносивших плохие известия. Вот и сейчас он несомненно ищет того, кто предупредил Тимурбека о готовившейся смертельной ловушке, и подозревает в измене всех и каждого своего военачальника.

И все же кто-то должен доложить хану о сражении. Шер Бахрам, подъехав к лагерю, спешил и, отдав поводья коноводу, быстро пошел к шатру. Вышло так, как он и предполагал. Эмир, злой и негодующий, сидел, откинув грузное тело на спинку походного трона. Его гневный взор обжег Бахрама, но тот, не испытывая страха и не отводя глаз, сказал:

— Мой эмир, прикажите немедленно отойти, врагу помогает сам аллах!

В глазах эмира Хусайна полыхнули зловещие огоньки. Значит, на сей раз победа досталась не ему. Но виновных он все-таки найдет...

— По коням! — приказал эмир, вставая с места. — Возвращаемся в Балх! — и гневно стегнул коня плеткой. Вслед за ним тронулись нукеры, а затем и все войско.

Во дворце в Балхе вот уже несколько дней тишина. Объявлен траур по случаю поражения хана. Даже слуги, вспомнив о чем-нибудь веселом, моментально прикрывали рты, опасаясь гнева эмира.

И в гареме уныние. Его обитатели с трудом сдерживаются, чтобы ненароком не нарушить тишину. В саду дворца, в беседке за белыми лепными решетками Сараймульк-ханум — Бибиханум читает стихи Абул Ала ал-Маари. Хотя никто во дворце и слова не молвил о страшном поражении в ущелье Тангачакчак, прозорливая, тонкого ума женщина все поняла и порадовалась, что смогла помешать подлому убийству. Царевне очень хочется узнать о подробностях битвы, но расспрашивать придворных нельзя: все дойдет до эмира, и это может обернуться бедой для близких.

Но черная весть, молнией облетевшая Балх, мучительным огнем жгла сердце Бибиханум. Эту весть принесла та же верная служанка, она торопливо прошептала на ухо госпоже трагическое известие и, чтобы не видеть муки, отразившейся на лице царевны, поспешно удалилась. Предводитель войска Шер Бахрам, обвиненный в измене, был казнен на соборной площади после пятничной молитвы.

Только в душе могла оплакать Бибиханум смелого военачальника, который ради спасения своего друга пожертвовал жизнью.

Смерть Шер Бахрама болью отозвалась в сердцах всех отважных людей, они были горды тем, что среди них есть такие храбрые, преданные, честные люди.

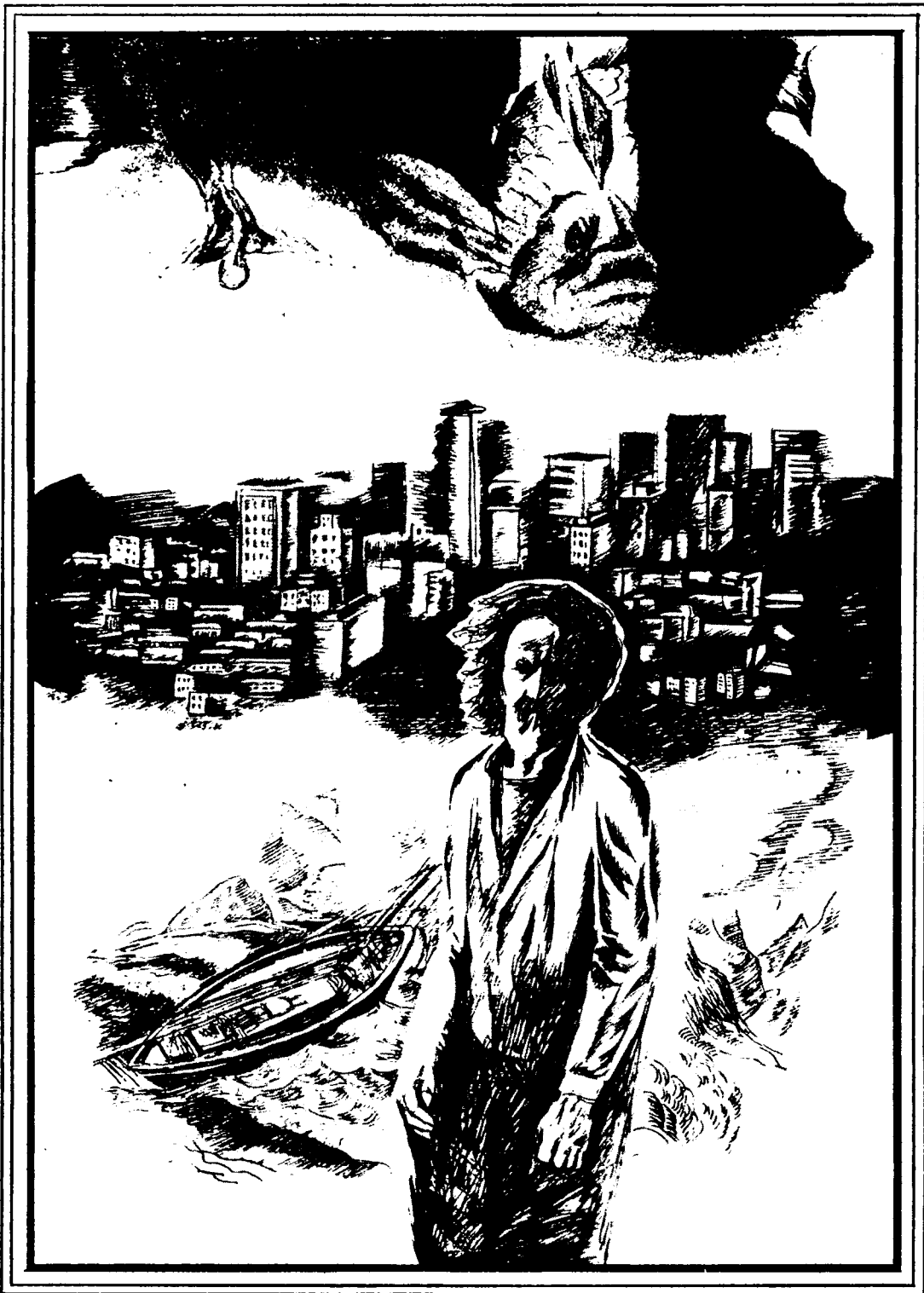
«Что творится сейчас в душе Тимурбека? Ведь он, наверное, узнал о смерти Шер Бахрама? — Так терзалась она, в глубине души понимая, что поступить иначе не могла. — Шер Бахрам должен был присоединиться к Тимурбеку в ущелье Тангачакчак, почему же он поступил иначе?» — думала Бибиханум, рассеянно глядя на аллею, по которой ветер гнал желтые листья. Но ведь перейди Шер Бахрам в ущелье Тангачакчак на сторону Тимурбека, его войско не смогло бы выйти из окружения и все воины погибли бы там.

Царевна в раздумьи бродила по аллее, когда прибежала сербиянка:

— В Балхе началась паника! Войска Тимурбека, объединившись с войсками Хусравбека, выступили со стороны Кеша на Балх!..

Бибиханум пришла в смятение, сердце встрепенулось в груди пойманной птицей.

Что сулило ей поражение Хусайна — горе или радость? Этого она еще и сама не знала...



# В НЕВЕДОМОМ МИРЕ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ\*

Было бы правильнее называть нашу планету не Землей, а Океаном. В действительности более 70 процентов нашей планеты составляет Мировой океан. В недрах этого бескрайнего подводного царства обитает бесконечное множество живых существ.

Теша Захидов.

доктор зоологических наук, академик  
АН Узбекской ССР, действительный член  
Индийской Международной зоологической  
академии

Странный человек появился недавно в нашем маленьком кишлаке, затерянном в горах. Зовут его дедушкой Асадом, но на старика он не похож: высокий, подтянутый. Пожалуй, только небольшая борода и проседь в густых еще волосах выдают возраст. Когда смотришь в глаза, кажется, они могут вместить весь мир — столько в них ума, блеска и вместе с тем какой-то грусти. Дедушка Асад — старый моряк. В наши края, говорят, он приехал искать родственников и близких, с которыми расстался мальчишкой, отправляясь в дальние края.

Никого старый Асад не нашел. Ведь минуло полвека. Одних убрал голод, умерли и те, кого и он пощадил, и болезни.

Поселился в одном из заброшенных домов, чтобы, как он сказал, хоть умереть на родине.

Лето еще только кончалось, а во дворе уже было прохладно, августовские утра туманны и свежи, и над речкой, протекавшей во дворе, стлалась голубая дымка. Одинокий тутовник стоял возле воды и бросал на дом зыбкую тень. Воркуя, по двору важно бродили горлинки, изредка вспархивая над мокрыми камнями, по которым катилась речка...

Как водится у нас, к старику стали наведываться люди. Но дедушка Асад их не привечал да и разговаривал с ними неохотно. И все-таки каждый день кто-нибудь заглядывал к нему: то принесут кисть винограда, то просто спросят, не нужно ли помочь. Каждый понимает, что даже к родине надо привыкать понемногу — иначе средце может не выдержать, потому что не шутка прожить пятьдесят лет вдали от родных мест.

---

\* Написана в соавторстве с И. Джумановым.

Но приближалась осень, а в заброшенном доме, где поселился Асад, зимовать нельзя. Что станет делать старик? Этот вопрос занимал всех.

— Гость может оставаться у нас — дом большой, — сказал однажды Абдукадыр-ата так громко, чтобы слышал Асад. Но тот молчал, задумчиво посасывая свою неопределенного цвета трубку.

— Хорошо, когда над головой своя крыша, — заметил поливальщик Шарахмат. — Вот Астанакул в город переехал, а дом его стоит без присмотра, совсем еще новый, не то, что этот.

— Но у него, может быть, нет денег, — зашептал Сиражиддин.

— А если мы сторгуемся и купим ему этот дом? — предложил Шарахмат.

— Мы? — удивился Сиражиддин.

— А что стоит всей деревне дом купить? — продолжал Шарахмат. — Астанакул говорил, что если сторгуетесь, посоветовавшись со стариками, можете и продать, чтобы не стоял без присмотра.

Дедушка Асад сидел на большой деревянной кровати и молча наблюдал за ними, потягивая трубку. Старики говорили вполголоса, чтобы не втягивать его в свой разговор. Речь шла теперь о доме Астанакула.

— Там тридцать пять тополей. Двенадцать яблонь, урючин и персиков. Двор — пятнадцать соток. Но крыша камышовая, так что тысяча за семь хозяин согласится, — оценил Юлдашбек-ака.

— Многим придется скидываться, — не соглашался Сиражиддин. — Пять тысяч тоже немало.

Дедушка Асад откашлялся, вытащил из-за пазухи кожаный кошель и бросил его на стол перед людьми. Все замолчали.

— Ну, коль так, тогда... — Шарахмат-поливальщик открыл его и принялся считать деньги.

«Двести, триста, шестьсот», — мысленно повторяли за ним окружающие.

— Семь тысяч восемьсот, — радостным тоном раньше всех сообщил сидевший в стороне Сиражиддин.

Шарахмат отсчитал тысячу шестьсот рублей и протянул Асаду.

— Ну, давайте руку, ата, пусть горе не заглядывает на ваш порог, — сказал он громко.

— Спасибо вам, — кивнул старый Асад. — Спасибо, земляки. Пятьдесят лет пропадал, а сейчас снова чувствую себя дома. Вы так заботитесь обо мне, даже не спросили, где был, откуда пришел. Простите, что иногда неласков. Придет время, и я вам все расскажу. Если не от меня, так пусть от других вам вернется добро. Приходите, гостями будете.

Долго говорить старик был непривычен. Но в голосе его звучала такая теплота, что всем стало тоже хорошо. И хотя старик опять замолчал, все уходило от него словно просветленные. Хороший был день!

\* \* \*

«Где был, откуда пришел, даже не спросили. Придет время, и я вам все расскажу», — эти слова нарушили мой покой. Что же может он рассказать? Какую тайну скрывают этот высокий лоб, эти сверкающие глаза?

Я долго придумывал причины, чтобы пойти к старому Асаду. И однажды утром с робостью вошел в его дом. Вопреки привычке многих стариков рано вставать, он спал крепко и спокойно. Я нерешительно остановился у двери.

— Чего тебе? — вдруг спросил он, внезапно пробудившись.

— Простите, отец, — сказал я робко. — Я читал в прошлом году в районной газете, что в Зармасском ущелье пастух убил волка. За это получил теленка. А что, если нам с вами тоже попытаться?

Дедушка Асад вначале удивился, потом, пристально посмотрев на меня, легко встал, прошел во двор. Я молча ждал.

Он умылся прозрачной водой из речки и, наконец, сказал:

— Если в газете написали, значит, правда. Что ж, давай попробуем и мы.

Я знал, что волка мы не поймаем, но на всякий случай приготовил капкан, веревку, запаса едой. Наверно, он тоже это понимал, но об охоте, о волках ничего не говорил. А беседовали мы по пути к Зармасскому ущелью в основном о нашем кишлаке и его прошлом. Чувствовалось — старый Асад с удовольствием вспоминает разные смешные случаи из своего детства. И рассказывал он о них весело, смешно. Я удивлялся — откуда у этого неразговорчивого человека столько бодрости и юношеского задора?

В ущелье мы выбрали местечко поудобнее и сложили принесенное. Я собрал сухие прутья, разжег костер. Мясо и помидоры нанизал на прутья и стал делать шашлык. Под горячие угли положил картофелины. Вскоре запахи еды стали наполнять вечерний воздух. Уже начинало темнеть, и словно кто-то набросил розоватую шаль заката на плечи гор. Шумела река, сильно пахло травами. Ящерица проползла недалеко от нас, высоко поднимая изумрудную точеную головку.

— Я же знаю, зачем ты меня сюда пригласил, — неожиданно заговорил старый Асад. — Наверно, ждешь не дожدهшься рассказа о моих приключениях?

Я радостно кивнул.

— Хочешь, я расскажу тебе интересный случай из моей жизни? Да ты не веришь. — На меня искренне смотрели его светлые задумчивые глаза.

\* \* \*

— Знаешь, сынок, я сначала служил в царской морской пехоте, — начал он свой рассказ. — А потом устроился на торговый корабль. Мы возили в разные страны пшеницу, рис, хлопок, а привозили дорогие фарфоровые изделия, пряности, черное дерево. В тот раз, о котором я хочу тебе поведать, мы отправились в северные страны. Когда миновали Исландию и стали приближаться к Гренландии, по радио предупредили: будет сильный тайфун.

Даже опытные моряки нахмурились — их не радовало испытание. Капитан приказал отыскать укрытый залив, чтобы переждать непогоду.

Залив отыскиали. Синяя-синяя вода, неприветливые пустынные берега, тем не менее, радовали нас. Двое с половиной суток мы здесь отстаивались. Если бы служба матроса состояла только из плавания в безбрежном океане, у него, наверно, не хватило бы терпения. Но по

пути встречаются новые города, люди, и это скрашивает тяготы морской службы. Вот и сейчас: оказавшись впервые в этих северных широтах, мы решили осмотреть все вокруг. Для знакомства с островом нам выделили шесть часов. Мы сели в лодку и поплыли к берегу.

Там, прежде всего, нужно было оставить дежурного, чтобы смотреть за лодкой. Дежурным назначили меня, и настроение мое сразу упало. Шесть часов испытывать одиночество, пока товарищи осматривают остров! А они, торжественно вручив мне лодку, а меня — богу, стали подниматься по отвесному берегу и вскоре исчезли из вида. Дул холодный, порывистый северный ветер, и, наверное, потому мне стало совсем тоскливо. Я лег на дно лодки и стал смотреть вверх. Большие, тяжелые облака плыли по небу, и мне хотелось подняться к ним и вместе медленно плыть, не думая и не печалась ни о чем, долго-долго...

Я устал ждать. И стал придумывать, как насолить товарищам. А что, если перегнуть лодку в другое место? Пусть поищут ее, когда вернутся. Но большая лодка подчинялась мне плохо, волны все время пытались отогнать ее от берега. Весло вырывалось из рук, и я промаялся часа два, прежде чем нашел небольшую промоину, где низкий песчаный берег показался мне еще более пустынным и диким, чем на старом месте. Но зато здесь явственно ощущалось тепло. Да, я не ошибался: вода на ощупь оказалась очень теплой. «Наверно, поблизости есть теплый источник», — подумал я.

Успокоенный этой мыслью, я задремал, но вдруг внезапно открыл глаза. Прямо на меня плыла какая-то сверкающая рыба. Да нет, не рыба. В воде, покачиваясь, на меня двигалась не то большая кожаная подушка, усыпанная стекляшками, не то кусок драгоценной парчи, размокший в соленой воде. Забыв о лодке, я стал пристально всматриваться в воду. А что, если мне сейчас посчастливится найти что-нибудь необычное? Море всегда полно тайн — неразгаданных, непостижимых. А эта вещь и вовсе необычна: плывет на глубине метра в полтора, не тонет, но и не поднимается на поверхность. Словно висит в воздухе. Не долго раздумывая, я нырнул. Черт возьми, подумал минуту спустя, я ведь мог раздеться. Но было уже поздно. Я схватил непонятную вещь и попробовал залезть в лодку.

Намокшая одежда тянула вниз. Чтобы удержаться на воде, я с трудом переложил в лодку найденное. Но справиться с лодкой не мог: наклоняясь, она все больше наполнялась водой. Наконец, случилось то, чего я боялся больше всего: лодка перевернулась. Моя находка выпала и стала медленно погружаться в воду. Я, не колеблясь, оставил лодку и опять нырнул за своей находкой. Выйдя из воды, выжал одежду и расстелил ее на камне. В воде было тепло, а здесь, на воздухе, я зябнул. Дрожа от холода, все же стал рассматривать находку. Не может быть, чтобы судьба посмеялась надо мной...

Она была больше всего похожа... на книгу. Да-да, на книгу, но какую! Листы ее были сделаны из перламутровых рыбьих пузырей, тщательно очищенных и испещренных красноватыми значками. Обложка — из рыбьей чешуи, украшенная крупными драгоценными камнями. Я наклонился. Нет, я не ошибся! Плавая на торговом корабле, я научился разбираться в драгоценностях. Переплет украшали продолговатые серебристые жемчужины. На обложке — большие красноватые камни — гранаты. А вот эти, которые, как капли воды, на-



полнились прозрачным светом и вспыхнули отблесками синей воды, — это, конечно, бриллианты! Не слишком хорошо ограненные, но самые настоящие, чистойшей воды!

Но если это книга, то что же в ней написано? Красноватые знаки я никогда не встречал. Тем не менее с каждой минутой во мне росла уверенность, что это книга, и написана человеком, знавшим восточные языки. При мысли об этом от книги повеяло чем-то очень таинственным, и сердце мое учащенно забилося. А что, если здесь сведения о затонувшем кладе или какие-нибудь научные открытия, и мое имя станет известно всему миру?

Но надо было позаботиться и о своей безопасности. Лодка, наполненная водой, затонула, и я вплавь добирался до берега. И хотя было здесь сравнительно неглубоко, одному достать лодку со дна мне не под силу. Оставалось одно — ждать.

Но найдут ли меня товарищи? Я вздумал подшутить над ними — как бы теперь судьба не подшутила надо мной! Выбраться на берег невозможно — каменистые скалы, казалось, наклоняются над протокой. Я осторожно перевязал книгу шейным платком, надел невысохшую штормовку и осторожно прилег на камни. Меня знобило, и я не мог согреться.

Становилось все темнее. Прошли уже шесть часов, отпущенные моим товарищам для осмотра берега. И только отчаяние стало закрадываться в душу, как впереди показался свет. Это катер прожекторами прочесывал берег. Меня искали. Я вскочил, замахал руками. Но вокруг было темно, прожектор равнодушно скользил по берегу, по скалам. Вдруг я не попаду в его спасительный свет? Я закричал, крик мой эхом пронесся над пустынным берегом и затерялся в каменных громадах.

Но цепкий луч нашел меня. И тогда я впервые испугался: что скажут товарищи мне, без всяких видимых причин потерявшему, вернее погубившему лодку? И где я возьму деньги, чтобы возместить потерю? Я не сомневался в том, что наш капитан, человек осторожный и расчетливый, заставит меня платить за лодку.

На катере были все, кто вместе со мной выехал на прогулку. Их нашли раньше. Все они были встревожены моим исчезновением.

— Что случилось? Где лодка? — спросил старший матрос Макар.

— Перевернулась, — я опустил голову как провинившийся школьник.

— Как перевернулась? — в один голос закричали мои спутники.

— Тебя же оставили в безопасном месте! — заметил Макар.

Что я мог ответить? Что по-мальчишески спрятался, чтобы поиграть с товарищами? От стыда я все ниже опускал голову. А неумолимый Макар все допытывался, и я, краснея, сочинил какую-то фантастическую историю о том, что заметил подозрительных людей и, опасаясь, чтобы не отобрали лодку, завел ее подальше. Кажется, они поняли, что я придумываю, но времени, чтобы детально разобраться во всем, не было: стало совсем темно, надо было возвращаться на корабль.

А еще нужно было поднять со дна лодку. Несколько матросов, обвязавшись веревками и прихватив закрытые фонари, нырнули под воду. Стоя на катере, я видел, как передвигались по дну красноватые пятна света. Я чувствовал себя преступником: на груди моей, привя-

занная платком, лежала большая книга, драгоценные камни при малейшем движении царапали грудь.

Я никому не показал находку — ее могли у меня отобрать и капитан, и штурман, да и мои товарищи уже не казались мне теми простыми, добродушными парнями, с которыми я до сих пор делил все тяготы матросской жизни. Меня отделяла от них тайна, и я хотел, чтобы она оставалась только моей тайной...

Через полчаса лодка показалась на поверхности. Ее быстро взяли на буксир и потащили за собой. Мне удалось спрятать таинственную находку в матросском сундучке. Правда, для этого пришлось выбросить из него кое-какие вещи, но я утешал себя тем, что, вернувшись, возьму все расходы. Да и любопытство мучило меня все сильнее: что же это за таинственная книга? О чем в ней написано?

Часто при тусклом свете лампочки, когда все вокруг засыпали, я в своей каюте осторожно доставал книгу и принимался разглядывать таинственные знаки. Однажды мне показалось, что я видел что-то подобное. Память подсказала: похожие знаки видел, когда наш корабль заходил в бомбейский порт. В самом деле, не на санскрите ли написана книга? Если так, то в ней обязательно сокрыта тайна.

Иногда, особенно в конце плавания, приходила мысль: отодрать от обложки хоть один драгоценный камень — денег почти не было — я платил за повреждение лодки. Но я сдерживал себя. Команда могла узнать, что я продал драгоценный камень, а тогда кто сможет поручиться, что мой сундучок не будет подвергнут самому тщательному осмотру? А вдруг это необыкновенная музейная ценность? И не будет ли это варварством — лишить книгу ее драгоценного украшения? Как-никак, я окончил школу, считал, что немного знаю искусство, и гордился своими небольшими познаниями, которые как будто выделяли меня из всех остальных.

А жизнь на корабле шла своим чередом. Плавание проходило почти до конца при великолепной погоде. Я радовался нежному дуновению ветра, бескрайнему голубому небу и томился от радостного предчувствия — по окончании плавания меня ожидало раскрытие тайны! Эти дни я запомнил как самые, пожалуй, счастливые в жизни. Ведь чаще всего прекрасно время ожидания, потому-то даже самое большое счастье так не возвышает, как время ожидания его. Я мечтал. Найденная тетрадь откроет всему миру мое имя. Газеты и журналы напечатают мои фотографии, расскажут мою биографию, а окружающие с благоговением будут смотреть на меня.

Как говорят в народе, разум имеет границы, а глупость безгранична. Иногда приходили иные мысли. Один камешек с обложки мог сделать меня сравнительно богатым. А если я умру или погибну, что станет с книгой? Не лучше ли воспользоваться ее украшениями сейчас? А вдруг мне показалось, что это бриллианты? Приеду домой и окажется, что это простые стекляшки, и останусь я, как и прежде, никому не известным матросом, неудачником, придумавшим сказочную историю?

Сойдя на берег, с тщательной предосторожностью я нашел молодого ученого. Показал ему надпись, аккуратно срисованную с обложки, и попросил определить, что это за знаки.

— Это санскрит! — воскликнул он, едва взглянув на надпись. — Откуда это у вас?

Мне хотелось показать ему книгу, но я не осмелился. Подумал: а вдруг кто-нибудь узнает, что у меня есть такая драгоценность, и непременно захочет присвоить ее?

Не буду рассказывать, как в конце концов, сняв драгоценный переплет, я позволил перевести эти записи. Но не все. О некоторых я расскажу тебе сейчас. Я очень часто перечитывал их, и многое запомнилось так, словно все это я сам написал. Ведь память человеческая — необыкновенное чудо. Из нее могут выпадать годы, важнейшие события, а крошечные, напротив, иногда помнятся очень ярко. А разве сны, которые мы видим, не оставляют следа в нашей памяти? Итак, я начинаю рассказ о том, что я прочитал в загадочной книге, красные знаки которой оказались древнеиндийским языком, ведомым теперь лишь ученым и чудакам...

«Если ты, дорогой читатель, познакомишься с моими записями, прошу тебя лишь об одном: не посчитай меня фантазером, не думай, что все рассказанное здесь — фантастика, которая может прийти в голову какому-нибудь сумасброду.

Правда, все, что я видел, кажется сказкой — далекой, неосуществимой. Но я, девятнадцатилетний индийский юноша, видел эту сказку воочию, воочию убедился в том, что на нашей планете так много нераспознанных чудес, что только для разгадки их должно было бы бросить все силы, которые мы используем лишь для того, чтобы показать ближним своим власть и силу, возможность распоряжаться чужими жизнями.

Подумать только: когда-то, возможно, у нас в послушании будет само солнце. Его безграничную силу люди научатся использовать в своих целях. Распознают и поставят себе на службу поистине колоссальные энергию и богатства океана.

Так и вижу — под водой растут и растут новые прекрасные города, способные прокормить всех голодных, дать жизнь и жилье всем желающим. Возможно, это будут города под огромными прозрачными колпаками. А может быть, люди научатся дышать водой — ведь все мы родились в воде. Маленькие дети плавают в воде, как рыбы — их никто этому не учит. Только потом, проведя несколько месяцев вне воды, они как будто заново учатся этому искусству — искусству, которое от рождения было в них! Разве это не говорит о том, что все мы — дети океана, мы просто ушли далеко от своего отца, и нам, издерганым и измученным бесконечными войнами, нужно вернуться туда, откуда мы пришли?

Может быть, мои мысли покажутся нелепыми. Может быть... Но если бы вы видели то, что увидел я! Тогда бы и вы поверили, что жизнь может быть нескончаемой, что болезни могут отступать, как страшные привидения, которым не дано воплотиться в реальность!

Пишу эту книгу и думаю: что, если до вас не дойдет то, что я написал не карандашом, а, кажется, кровью сердца! Еще одна великая тайна природы останется неизвестной людям, еще одно чудесное событие будет похоронено природой, которая все еще не открывает нам всех своих тайн, хотя мы уверяем себя, что не только постигли и покорили ее, но и превзошли, потому что научились создавать несколько десятков соединений, которых нет в живой природе!

Я тоже так думал — до недавнего времени. Я был мечтательным,

но уже испорченным цивилизацией парнем, который чувствовал себя ее венцом. Правда, имя — пока еще не столь громкое — я себе составил, вместе с коллегой побывав в местах, где еще не ступала нога человека.

Меня манили исследования, властно звали места, которые человек еще не покорил. И потому я обрадовался, получив однажды письмо от известного японского океанографа, профессора Есано. Он приглашал меня на работу. Предлагал контракт. Условия прекрасные: денег я должен был получать в два с половиной раза больше, чем раньше. Работа показалась мне легкой: опробовать специальный скафандр, опускаться в нем глубоко в океан и ловить неизвестных рыб, а заодно изучать подводную растительность.

Одно меня озадачило: до сих пор я только поднимался — в горы, на дикие плато, как же смогу я работать на дне океана? Но ответ я отправил очень быстро.

Вскоре из Японии на мое имя пришли деньги и вызов. Мне сообщили, что я еду в Японию на исследования, связанные с планом работы двух наших стран. Но выехать мне не пришлось: профессор Есано сообщил, что работы решено проводить у островов Индийского океана и скоро он с сотрудниками прибывает к нам.

Я очень быстро привык к новой профессии. Кроме меня, в экспедиции были два здоровенных японских парня, Кандзе и Нидзе, мой соплеменник индус Радж и два американских негра — Том и Джим. Профессор знал тринадцать языков, нам было очень легко с ним и работать, и отдыхать. В самом деле, отдохали мы, пожалуй, больше, чем работали. А может быть, это только казалось, потому что каждый спуск под воду приносил так много интересного и необычного, что слово «работа» не совсем подходило к тому, чем мы занимались. На нашем небольшом кораблике, похожем на «Наутилус», были только лаборатории, где работал, кроме профессора, его ассистент. Выходили мы в город редко, в основном тогда, когда кончалось горючее. Но мне и не хотелось покидать корабль.

Когда прошли первые дни, потребовавшие немалой выдержки, чтобы приспособиться к новым, необычным условиям, я стал находить в этих занятиях глубокое удовлетворение и даже оказался самым выносливым и работоспособным в группе. Мне казалось — я был способен провести здесь всю жизнь.

Было воскресенье. Наш руководитель получил радиogramму с приглашением на международное совещание ученых-гидрогеографов и почти сразу же уехал, попросив не прерывать ежедневных тренировок, чтобы не терять форму. Том Уолн был очень доволен — ему давно хотелось пополнить свою коллекцию ракушек. Меня огорчало то, что профессор не разрешал одновременно с основной работой проводить какие бы то ни было исследования. Поэтому, как только Том стал собираться под воду, я немедленно вызвался его сопровождать.

Дул сильный ветер. Корабль покачивался. Вода была холодной и неприветливой. Но едва мы ушли на глубину, как привычное чувство успокоенности и восхищения охватило меня. Позади остались все заботы.

Мы проплыли немного, и Том занялся сбором ракушек. Я решил уклониться в сторону от корабля, чтобы посмотреть поближе подводные горы, которые мы видели при прошлом погружении.

Темнело: я опускался все глубже. Мимо меня проплывали огромные

рыбы, тускло поблескивавшие в темноте. Внизу колыхались гигантские водоросли, они были похожи на щупальца каких-то диковинных животных, которые притаились в глубине. Вдруг впереди блеснул свет. Что это? Неужели еще кто-то проводит здесь исследования?

Я поплыл быстрее и вскоре увидел источник света: какое-то живое существо, круглое, словно шар, испускало лучи, может быть радиоактивные. «Нужно держаться подальше, это может быть опасно», — подумал я и попробовал тихо отплыть, чтобы издали рассмотреть существо. Но тут же почувствовал, что не могу этого сделать — меня притягивала к нему какая-то таинственная сила, и чем больше я сопротивлялся, тем сильнее приближался к нему. Я с ужасом пробовал вырваться из невольного плена, но тщетно. Это было, наверное, забавным зрелищем: отчаянно дрыгая руками и ногами, я пытался увернуться, несколько раз даже кувыркнулся, словно акробат.

Может быть, существо обладало сильным магнитным полем? А если оно радиоактивно, встреча с ним не пройдет бесследно. Холодея, я словно чувствовал, как мощное излучение убивает во мне кровь, как начинают свое отчаянное наступление лейкоциты... Я хорошо знал все признаки этой «белой смерти»: у нас на борту были японцы, и от них я слышал о последствиях ужасного взрыва атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки!

Меня все быстрее несло к существу, и я, можно сказать, врезался в него, как небольшая ракета. Я сильно ударился баллонами о скользкую, похожую на металл поверхность этой диковинной шар-рыбы. Похоже, что и она не хотела встречи — отчаянно задержалась, словно пытаясь освободиться. Но не тут-то было! Мы прилипли друг к другу, как два больших, сильных магнита, и теперь были спаяны, слиты воедино. Спустя мгновение, она рванулась и с большой скоростью понеслась вперед. «Погиб!» — лишь успел я подумать, и моей заботой стала борьба с водорослями, которые лихорадочно дергали меня за ремни, которыми я привязал к себе баллоны, а теперь, наверное, они связывали меня и с рыбой.

Вдруг я почувствовал, что вокруг становится теплее. Вначале не придал этому значения, но вода как будто нагревалась все сильнее и сильнее. У меня на лбу выступила испарина.

В это время баллон гулко обо что-то ударился. Я огляделся вокруг. С большой скоростью мы неслись по длинному извилистому тоннелю, которому, казалось, не будет конца. «Если даже освобожусь от баллонов, мне отсюда не выбраться!» — мелькнула мысль. И в самом деле — бесконечные ответвления, ходы — боковые и вертикальные, и ко всему этому — путь наш лежал сквозь какую-то прозрачную жидкость, похожую на стеклянную струю, лаву, только прозрачную.

Постепенно скорость, с которой мы плыли, стала падать. Казалось, мы прорывали какую-то пленку. Один из баллонов вдруг отделился от меня: рывок — и я оказался один. Принесшее меня сюда существо вместе с моим баллоном удалилось, и не успел я опомниться, как очутился в море света. Зелено-сине-красное облако то окутывало меня, то отпускало, и я попадал в другое такое же, которое тоже начинало меня укачивать.

Меня охватило чувство, какое я испытывал во сне: летал, не чувствуя силы тяжести, не ощущая собственного тела. Неизъяснимое чувство блаженства! Только что я уже готовился распротиться с жизнью, только что смертельная опасность угрожала мне ежеминутно,

ежесекундно! А тут творилось странное: кислород должен был давно иссякнуть, между тем я не только не чувствовал удушья: каждая клеточка моего тела, казалось, насыщена озоном. Дышать было невыразимо приятно, как будто с каждым глотком воздуха в меня вливалась удивительная бодрость. Я выпил немного воды, а она превращалась в воздух, и потом, пузырьками выходя изо рта, снова превращалась в воду. Все мое тело стало таким легким, словно я весь состоял из этих пузырьков и не имел веса.

Что происходит? Я включил баллон — он пуст, кислород давно кончился. Может быть, в глубинных слоях наблюдается такое необычное явление, а я о нем ничего не знаю? Как бы то ни было, я смогу сообщить профессору нечто новое, удивительное.

Вместе с тем я понимал, что забрался очень далеко и теперь, наверно, не найти пути обратно. Здесь, конечно, хорошо, но я не знаю причины этого явления и не могу предвидеть, чем все это кончится. «Надо уходить!» — с этой мыслью я повернул обратно.

Но как найти дорогу в этом сплошном сиянии, в этом смещении всех цветов? Я опять закувыркался в бело-розово-голубом облаке. Вдруг что-то легко дотронулось до моего плеча. Я обернулся и онемел: возле меня стояло диковинное существо и щекотало меня пузырьками воздуха. Я отскочил, оно тоже подалось назад, но тут же приблизилось еще настойчивее. Их тут, оказывается, несколько! Я стоял не дыша, а они, щекоча меня пузырьками, что-то оживленно обсуждали, притрагиваясь к моим рукам, голове, телу. Странные существа были очень похожи на людей, только вместо рук у них были ласты, а ноги срослись в щиколотках, словно для того, чтобы им было легче плавать, и заканчивались двумя мягкими гребнями. Глаза большие, удивленные — почти в пол-лица. Тело наполовину покрыто мягкой чешуей серебристого цвета.

— Вы — кто? — попробовал я спросить. Но вместо слов получилось невнятное бормотание: в этой воде, оказывается, говорить невозможно. Да и они, вероятно, изъясняются не словами, а выпускают пузырьки: вон тот, кто первым стал ощупывать меня, выпускает то больше, то меньше пузырьков, он что-то говорит своим соплеменникам, а те отвечают ему.

Внезапно, словно повинуюсь команде, они отпустили меня и поплыли прочь.

— Куда же вы? — пробовал я крикнуть, и опять рот словно залепило теплой пахучей жидкостью, слышалось лишь глухое бормотание.

Так и не смог я спросить у них, как выбраться на поверхность, как уйти отсюда! Пробовал рвануться вслед за ними, но облака тут же подбрасывали меня вверх, передавая друг другу, как игрушку...

Значит, я не представлял для них никакого интереса! Убедившись, должно быть, в том, что я безвреден, они уплыли, ничуть не заботясь о том, что будет со мною. А ведь, скорее всего, это разумные существа!

Фантазия моя заработала. Они похожи на людей, но изъясняются иначе, да и конечности у них совсем не такие. Кто же это? А вдруг это потомки тех, кто вместе с легендарной Атлантидой опустился на дно? Тогда это должны быть существа высокой культуры! Впрочем, жизнь под водой могла изуродовать их, превратить в рыб, сделать

просто человекоподобными существами, утратившими сознание и высокую культуру, которые так отличали, по легендам и преданиям, людей Атлантиды! Значит, еще одно открытие! У меня закружилась голова.

Я начал ощущать сильный голод. За треволнениями дня забыл поесть и теперь чувствовал себя обессиленным. Но что же есть? Вокруг росли багряные водоросли. Большие их пластины пронизаны бороздками и жилками, некоторые уже созрели и, точно как в море, покрыты темными пятнышками. Я нерешительно сорвал одну и попробовал на вкус. Странно — у нее оказался вкус икры и сваренного всмятку яйца. «Может быть, все обойдется!» — подумал я, улетаая водоросли. Есть хотелось все больше. Но вскоре я почувствовал пресыщение. Напился воды — она странно пьянила, как будто превращалась в воздух. Состояние блаженства вновь охватило меня. В этом странном мире все было необычным: вода, напоенная озоном, воздух, превращавшийся в воду, водоросли, вызывавшие ощущение вкусных, изысканных блюд.

Так началась моя жизнь в новом, неизведанном мире. Я нашел пещеру, в которой было тихо и спокойно, сплел из голубоватых водорослей нечто похожее на циновку и занавеску, чтобы не заплывали в пещеру спруты или осьминоги. Впрочем, я их ни разу и не встретил.

По утрам любопытные, невиданные до сих пор рыбы пытались проникнуть в мою пещеру, они просовывали свои любопытные морды с вытаращенными глазами под сплетенную занавеску и лениво разглядывали меня. Ни разу не видел я здесь и акул. Но какие-то похожие на дельфинов светящиеся животные несколько раз встречались. Я пробовал подплывать к ним, но они беззвучно улетали прочь, едва я приближался. «Улетали» — слово здесь самое подходящее. В этой странной воде все живые существа словно и не плыли, а парили. Они могли стремительно, как птицы, улететь прочь, и я не заметил, чтобы их плавники делали при этом более быстрые движения, чем обычно. И что еще странно: даже на большой глубине всегда было светло, словно от самой воды шли фосфоресцирующие лучи. Мне казалось, что даже по ночам я мог бы читать в своей пещере.

Одиночество, которого я вначале не ощущал — так много было интересного вокруг, — стало одолевать меня все чаще. Постепенно я перепробовал, кажется, все растения, которые меня окружали. Здесь были губки, похожие по вкусу на свинину, другие — длинные, тонкие — напоминали мне жареных цыплят. Были водоросли горькие, как перец, и моллюски, сладкие, как самые нежные конфеты. Каждый раз я пробовал осторожно, а потом, словно потерял голову, все подряд, не задумываясь над тем, что в этом мире может быть вредное, разрушающее.

Но что это за мир? Словно нарочно созданный для того, чтобы жить в нем, не испытывая никаких неудобств, он, тем не менее, цепко держал меня, случайного пленника, отражая все мои попытки уплыть. Всякий раз, когда я пытался это сделать, какие-то силы удерживали меня: на мне не было ни баллона, ни шлема — ничего! Будто сама вода была магнитной...

Постепенно, напрягаясь, по сантиметру преодолевая пространство, я определил, что нахожусь у основания очень большой подводной горы. Она занимает, может быть, тысячу квадратных километров,

а может быть, весь земной шар? Я не очень хорошо знаю законы физики, но, может быть, великая гора сжала воду, а та, в свою очередь, оказала сопротивление? Может быть, поэтому мы свободно ходим под водой?

Я стал внимательно исследовать дно. Однажды доплыл до того, что мне казалось источником света, и подумал: а если это урановое излучение, которое меня отравляет? Я поспешно повернул назад. Вода теперь была ужасного вкуса — словно смешали сметану с мазутом. Мне казалось, что я сейчас отравлюсь. Задыхаясь, приплыл в свою пещеру.

Несколько дней я не исследовал свои «владения». Но потом любопытство снова властно потянуло меня вперед. Одиночество становилось невыносимым. Я много раз пытался найти водяных жителей, которых повстречал в первый день, но бесплодно. Во всяком случае, только дважды видел вдали несколько похожих на них существ, но они быстро исчезли вдалеке, едва я попытался приблизиться.

Казалось бы, здесь можно было жить беззаботно. Сколько угодно еды — новой, разнообразной. Достаточно тепла, достаточно света. Но я все отчетливее понимал, что смогу быть счастливым только тогда, когда поделюсь своими открытиями с другими людьми. Я тосковал по человеческому братству. Мне казалось: стоит только рассказать о том, что я нашел мир, который может вместить и накормить тысячи людей, как исчезнут распри, люди ринутся овладевать подводными богатствами и забудут обо всем, что омрачает им жизнь... Угнетала меня и невозможность разговаривать. Только здесь я осознал, какое великое чудо — человеческая речь, как держит нас она, как превращает в то, чем мы гордимся более всего — в живых, разумных существ!

Как жаль, что я не Дарвин и не Линней — они бы при первой встрече определили существа, что попались мне. Разумны они или нет, в какой степени похожи на нас, людей? Я не мог бы ответить на эти вопросы, даже обрисовать их как следует не сумел бы. Что за лапы у них вместо ступней? Да и можно ли называть ногами то, при помощи чего они плавают?

Я терялся в догадках, а дни шли и шли. Я уже поменял несколько пещер. Какая-то сила гнала меня вперед. Казалось, этот мир бесконечен, но, вопреки всему, я хотел найти его границы...

Однажды утром, когда я отдышал, сделал большой круг вокруг своего нового жилья, ко мне приблизилось существо, похожее на тех, кого я видел в первый день. Я отпрянул — мне показалось, что оно тоже начнет меня ощупывать, щекоча пузырьками, а потом так же презрительно уплывет прочь. Но нет — существо пристально смотрело на меня красивыми бирюзовыми глазами. Я увидел — это женщина. И еще вспомнились сказки о русалках, которые заманивали путников, чтобы их погубить.

Мне показалось — при этой мысли у нее весело заискрились глаза, будто она узнала, о чем я думаю. И вдруг явственно раздалось у меня в ушах, будто со мной кто-то говорил: «Не бойся, я никогда не сделаю тебе зла».

«Кто это говорит?» — подумал я и понял: говорит «русалка», как мысленно я окрестил ее. Вернее, не говорит, а внушает это мне.

«Ты понимаешь мои мысли?» — повернулся я к ней, мысленно посылая вопрос.



Она утвердительно кивнула.

«Тогда угадай, о чем я сейчас думаю?» — снова послал я ей вопрос.

Она едва заметно улыбнулась и повернулась, как бы приглашая меня плыть за ней.

И я поплыл. Поплыл так доверчиво, как будто хорошо ее знал и не боялся ни подвоха, ни предательства. Да и о каком предательстве могла идти речь? Если бы эти существа даже и хотели сделать мне зло, они давно бы уничтожили меня — во сне ли, на охоте или в любом другом месте. И она поняла, чего я хочу — я действительно умирал от голода. Свернув в бесконечные тоннели, она остановилась перед зарослями толстых деревьев, переплетенные ветви которых, колыхаясь, уходили далеко ввысь. Жестом показала: «Ешь!»

За все время подводной жизни я не ел ничего подобного. Нежные листья услаждали небо, таяли на губах. Так вот они чем питаются, эти подводные жители! Да, они нашли или вывели недурные плоды! Я не мог насытиться. А она, улыбаясь, плавала рядом. Читая мои мысли, словно талантливый телепат, она, конечно, знала, о чем я думаю. Но я почти не думал. Мне было хорошо, я теперь не чувствовал себя таким одиноким.

«Ты не оставишь меня?» — спрашивал я ее.

«Нет, не оставлю. Я теперь всегда буду с тобой», — отвечали мне ее глаза.

«Но почему? Где ты была раньше? Почему не подходила ко мне?» — спрашивал я.

Ее глаза уклонялись от ответа. Но я догадывался. Значит, она долго наблюдала за мной. Значит, я ее заинтересовал!

«А где все ваши?» — спрашивал я.

«Там...» — она неопределенно повела рукой.

«Где — там? — допытывался я. — Ты поведешь меня к своим?»

Она опустила свои прекрасные бирюзовые глаза.

«Меня не хотят видеть, да?» — не успокаивался я.

«Не надо», — ответила она и попыталась меня отвлечь. Подплыла к кустарнику и знаками показала, что нужно и его попробовать.

Но я уже не мог есть. Думы были об ином: значит, она подплыла ко мне без дозволения своих, и мне нельзя их видеть! Успокаивало одно: теперь у меня есть спутница, которая покажет мне все, чего я сам, наверно, никогда бы не увидел.

Забегая вперед, скажу: да, я увидел многое — разноцветные луга, на которых росли сказочно огромные, прекраснейшие цветы, которые пели, едва к ним прикоснешься. Некоторые щебетали, как птицы, и распускались в руке, как маленькие радуги. Летали — вернее сказать, плавали — над цветами бирюзовые рыбки, похожие на наших шмелей, и осторожно пили из кувшинок сладкий сок. Сладкий сок пробовал не раз и я со своей спутницей. У каждого цветка он был особый. И мне тогда казалось — я живу в чертогах великого бога Вишну и из его рук принимаю знаки райского блаженства. Но этим богом была природа, только она сотворила все это великолепие, от которого хотелось петь и веселиться, ибо жизнь ощущалась так упоительно, как, наверно, нигде больше — каждой клеточкой тела, каждой жилкой, напряженной в ожидании цветов, музыки, пения.

Мы, индусы, очень чувствительны к красоте — как, впрочем, почти все народы, и мы понимаем суть превращений. Мне порой казалось, что я превратился в другое существо, что мне даровано это превращение в награду, и мне больше ничего не надо — я готов так существовать вечно...

А потом приходило сожаление обо всем, оставленном на земле. Там все было труднее, сложнее, но там можно было ощущать не безмятежное райское спокойствие, а упоение жизнью, борьбой. Там можно было приносить радость другим.

Впрочем, я и моя спутница в какой-то степени ощущали эту радость. Когда она по утрам приплывала ко мне, и мы рядом, плечо к плечу, отправлялись на прогулку, я видел, как холодным бирюзовым блеском светятся глаза, как постепенно теплеет их взгляд.

«Как тебя зовут?» — спросил я ее однажды.

«Никак», — ответили мне ее глаза.

«Как это — никак, — удивился я, — должно же быть у тебя какое-то имя, по которому тебя отличают от других?»

«А зачем мне имя? — удивилась она. — Ведь каждый, кто меня видит, знает, что это — я».

«Но он же должен тебя как-то называть?»

«Зачем? Обращаясь ко мне, он издает звук, которым обозначает только меня. Никто больше на него не откликнется. Это очень просто. Это у вас, землян, определенное количество звуков, а мы их можем воспринимать бесконечно, и каждый из них, если был хоть однажды произнесен, навеки остается в нашей памяти. Тебя теперь не спутают ни с кем другим. Ты будешь только самим собой, а не каким-то словосочетанием, которое никак не может обозначать твою сущность».

«Пусть так, — возразил я. — Но ведь мне надо к тебе как-то обращаться».

«Тогда, поскольку у тебя нет определения для меня, назови меня каким-нибудь вашим земным именем. А ты еще рискуешь забыть, как ты меня назвал».

«Тогда, если можно... я назову тебя... Зитой».

«Зита? Что оно обозначает?»

«Это имя моей любимой героини... из поэмы «Рамаяна»...

«Что такое — поэма?»

«Поэма — это когда слово будит в тебе образы, когда, читая слова, ты видишь лицо и улыбку красивой женщины, когда учишься мужеству и доброте».

«Все это мне не понять. У нас нет слов. У нас есть только звуки...»

«Я научу тебя этому, Зита. Если смогу. Я покажу тебе, как пишут у нас на земле, как звучит прекрасная речь наших поэм...»

Все это мы выражали не словами — ощущениями. Это было очень странно — разговаривать вот так, не словами, но образами, ощущениями. Зита тоже многому научила меня. Но все это — потом... Потом, в той жизни, которую я прожил в этом чудесном, очаровательном мире.

Как он создался, этот необыкновенный мир? Возможно, кое-где в подводном мире создался вакуум, с равномерной силой давления, которая не опасна для человека. Какая-то неизвестная мне подводная сила, по-видимому, создавала это умеренное давление. Каким образом на такой глубине могла оказаться такая огромная скважина?

Может быть, раньше здесь были большие запасы газа, которые, постепенно улечувиваясь, создали пустоту. Эту пустоту постепенно заполнили водяные пары и растения. Вырастая под определенным давлением, земные растения приобрели совершенно другие, порою уникальные качества, да и вода так насыщена озоном, как, наверно, нигде на земле. Да и нет на земле такого богатства красок, такой прозрачности и красоты, я в этом абсолютюно уверен!

Словно звезды на небе, в этом замкнутом мире жили самые разные растения: огромные зеленые лианы, багровые водоросли, синие-синие, как лазуриты, кусты... И все это переплеталось, колыхалось в светлой, сверкающей воде, а, отмирая, падало на дно, и на нем, этом пласте, вырастали новые бесчисленные растения...

Здесь почти не хотелось спать. А ведь на суше сон — самое необходимое, часто более необходимое, чем даже еда. Без еды можно прожить даже месяц, без сна — и трех суток не проживешь. Хотя я и потерял счет времени, тем не менее чувствовал, что засыпаю порой, только подчиняясь могучему биоритму, одинаково мощному для всех существ на земле. Спал я всегда очень мало, но способности мыслить не только не ослабевали, напротив, здесь хорошо и продуктивно мыслилось.

Никогда еще мои мысли не были так ясны, четки и организованны. Мне казалось — я могу здесь работать над самой сложной проблемой и не буду уставать. Но, к сожалению, я был лишен возможности вести регулярные наблюдения, чтобы записывать их и таким образом создать для работы какую-то систему. К тому же — вокруг так много чудесного и необычного, что я не мог остановиться на чем-то одном. Да мне и не хватало знаний. Как бы мог я, например, описать растение, если знал их всего несколько десятков? К тому же здешние условия так изменили и форму, и свойство растений, что только крупный специалист мог определить эти длинные, как будто целиком состоящие из мелких зеленых бусинок, ветви, что тянутся вверх? Мне они казались улотриковскими водорослями. Потом я стал думать, что это сифоновые...

В общем, когда я задумывался о проблемах, которыми мог бы заняться, начинало ощущаться полное бессилие.

Не мог я встретиться и с обитателями океана. Зита сразу замолкала, как только я начинал спрашивать ее, как они живут. Правда, однажды, когда мы плыли с ней по голубому лесу, где резвились красные, зеленые и черные рыбы, я увидел вдалеке группу здешних обитателей.

«Поплывем к ним?» — показал я знаками.

Она заколебалась, но потом, взглядевшись, согласно кивнула. Очевидно, там были существа, которых она могла не опасаться. Мы тихо приблизились.

Странно — таких, как Зита, там было совсем немного. Больше всего было маленьких розовых русалочек, остальные — похожи на морских коней, только помельче. В этом странном мире значительно отличаются между собой представители разного пола. Существа женского пола были гораздо больше похожи на людей, мужского же то ли отстали, то ли, наоборот, ушли вперед в своей подводной эволюции. Несколько маленьких существ подплыло к Зите, окружило ее, она нежно касалась каждого, как будто ласкала их. Я подумал — это, наверно, ее дети.

А может, любимые ею существа? Потому что, когда мы подплыли, они окружили и меня, и нежно, так нежно, как лепестки цветов, стали дотрагиваться до меня своими шелковистыми хвостами.

Наверно, Зита уже не раз рассказывала им обо мне, потому что и следа не было того презрительного равнодушия, с которым впервые оглядывали меня представители подводного царства.

Нежные прикосновения русалочек постепенно привели меня в отличное расположение духа. Исчезла настороженность. Я стал, играя, догонять их — на манер земных прятков. И они, весело смеясь, включились в игру. Старшие наблюдали за нами с явным одобрением. Как я заметил, здесь поощрялось все, что приносило радость и веселье. Некоторое время мы весело носились вокруг голубых деревьев, похожих на ели. Но вот Зита испуганно показала мне вперед. К нам плыла еще одна группа подводных обитателей, и я понял, что Зита не хотела встречаться с ними. Неохотно оставил я маленьких русалочек. Они еще некоторое время плыли за нами, потом отстали.

«Зачем ты увела меня?» — спросил я Зиту.

Она грустно посмотрела мне в глаза.

«Ты не наш. Ты стоишь на более низкой ступени развития, чем мы, — сказали мне ее глаза. — Старейшины не позволяют видеться с тобой».

«Я? На более низкой ступени?» Я почувствовал себя уязвленным. Разве они знают что-нибудь обо мне? Откуда такое высокомерие? Значит, и здесь, в подводном мире, существует нечто, что делит людей на касты, как у нас, в Индии?

Я плыл грустный. Почему человечество придумывает эти барьеры? До каких пор наш мир будут раздирать не только расовые, но и религиозные, и социальные несовместимости? Разве не пора человечеству покончить со всеми распрями и сообща осваивать природу, строить, создавать? Не завоевывать, а именно осваивать. Может быть, сказочная Атлантида тоже погибла потому, что при всей своей высокой культуре не могла примириться с тем, что другие тоже тянутся к культуре и тоже способны созидать? Может быть, протяни она руку другим странам, ей бы тоже помогли, когда ее постигло бедствие? «Не грусти, милый, — беззвучно сказали мне глаза Зиты. — Это не может долго продолжаться. Все мы — дети матери-природы, и чем дальше от нее уходим, тем большая кара ждет нас. Но я верю — мы, наконец, поймем это. Я думаю, тебе в конце концов откроются наши дворцы, наши дома, все, что сохранили мы, потомки высочайшей цивилизации...»

«Зита! — я схватил ее за плечи. — Так, значит, все это — правда? Есть дворцы, есть исчезнувшие знания, которые человечество может использовать?»

«Есть, — грустно сказала мне Зита. — Но ими владеют посвященные. Мы же имеем только немного — например, читаем мысли, умеем переговариваться без слов, умеем лечить внушениями. Я, например, так настроена на тебя, что знаю, где ты находишься в любую минуту. Но это ведь так немного...»

Я нежно обнял ее. Мне стало хорошо. Как ни рвался я на поверхность, к людям, я понимал — здесь, в подземном мире, у меня есть друг, который всегда придет мне на помощь, где бы я ни находился.

А это всегда нужно: знать, что у тебя есть друг — и на земле, и в затерянном подводном царстве...

Случай подтвердил мою правоту. Как-то однажды, задремав в теплой, уютной пещерке, я увидел сон.

Сон был, наверно, такой, какой может видеться только под водой. Я купался в молочных озерах, в теплой, мягкой, пахучей жидкости, которая бережно несла меня и держала, как малого ребенка. Вокруг резвились русалки. Они, смеясь, прикасались ко мне своими шелковистыми ластами и звали поиграть. И вдруг все это задрожало и как будто смялось в сознании: к нам подплыло нечто вроде огромного змея, который, жадно открыв огромную пасть, втягивал меня в нее. Я успел заметить: внутри у него переливались красные и голубые краски, и как нечто гипнотическое, властно притягивали меня. Я пробовал сопротивляться, но на свою беду взглянул вверх, в глаза чудовища. Это оказалось роковым: из его глаз посыпались лучи, которые ослепили меня и затуманили разум. Без воли, без сопротивления, со смутным чувством близкой гибели я позволил втянуть себя в огромную пасть.

Странно: я не почувствовал ни укуса, ни удушья. Я лежал в его гигантском организме, и только усиливающийся странный звук вернул мне чувство реальности. Ах да — мы, оказывается, мчимся куда-то с огромной скоростью. И опять — тоннель. Опять повороты и ямы. Но отчего все труднее и труднее дышать? Вокруг начинает струиться какая-то черная жидкость, у меня во рту вкус мазута. И тут, словно вырвавшись из плена, чудовище еще сильнее взмыло вверх, моментально рассыпалось и исчезло без следа.

Я лежал в черных волнах, задыхаясь от жары и удушья. Минуту спустя я понял — вокруг меня текла нефть, а надо мной кружил вертолет. Вот он приземлился и тут же заглох. «Спасите!» — закричал я что было силы. Люди, хлопотавшие возле вертолета, посмотрели в мою сторону. Затем, говоря что-то на английском языке, стали приближаться. Рыжий англичанин вынул изо рта сигару, быстро погасил ее.

Люди окружили меня. Но почему их глаза горят такой жадностью? Я скосил глаза и увидел то, из-за чего они смотрят на меня, как волки на добычу: на груди у меня лежал большой бриллиант. Откуда он? Ах да, я вспомнил: одна из русалок, дурачась, прилепила его ко мне, и он пристал к груди намертво. Люди попробовали отодрать камень, но это оказалось невозможным. Тогда рыжий взял нож и стал невозмутимо резать тело, чтобы забрать камень. От боли я чуть не потерял сознание. Потекла кровь. Но он не обращал внимания. К камню тянулись и другие. Разгоралась ссора. Я попробовал отползти — не удалось; Рыжий заметил мои попытки и с криком набросился на меня, не видя во мне человека. Потом, нагнувшись, он схватил камень и ударил меня по голове. Я был беспомощен, как ребенок — едва спасшись из чрева чудовища, я погибал от рук людей! И всему виной драгоценный камень, который в подводных садах значил не больше, чем эти голыши под ногами! А люди, забыв обо мне, дрались, пытаясь отнять друг у друга драгоценность. Я закрыл глаза, чтобы не видеть этого. Последнее, что запомнилось: резкий запах нефти, пена на берегу, чуть окрашенная в розоватый цвет — цвет моей крови. Что ей было, огромной волне, до моей жизни! Что было до нее всему этому огромному миру, где люди готовы были разбить голову ближ-

нему, чтобы выхватить камень... Чтобы забрать себе лишний галлон нефти...

Очнувшись от сна, я долго не мог прийти в себя. Сердце мое учащенно билось. Мне хотелось отвлечься, развеять грустные мысли, рожденные сном.

Я выплыл из пещеры и направился к большим диатомовым зарослям. Это — нечто совершенно особое в подводном мире. Их клетки покрыты кремнеземной оболочкой. Форма этого панциря настолько затейлива и причудлива, а структура настолько тонка, изящна и красива, что ее можно принять за творение художника. Кажется, что ты попал в музей ювелирных изделий. Я сорвал несколько водорослей и утолил голод.

А вот и диатомовые заросли. Они сверкают всеми красками. Их формы превосходят все, что может придумать фантазия ювелира.

Увлечшись, я плыл все дальше и дальше. Темнело. Но я ничего не замечал, останавливаясь возле великолепных сооружений тусклого голубоватого цвета. Прозрачные, серебристые, как ртуть, красноватые растения сплетались в густые ковры. Оступившись, я коснулся ногой одного из таких ковров. Мгновение — и нога моя была словно окутана тысячей жгучих щупалец. Я дернул ногой — напрасно: водоросли впились в меня, как пиявки. Я почувствовал боль. Неужели это страшные голодные водоросли, которые пьют кровь? Да, сомнений не было: на ноге в тусклом свете угасающего подземного дня я увидел множество красных точек — места, где водоросли соприкоснулись с ней.

В отчаянии я схватился за водоросли руками, и тут же к рукам присосались сотни щупалец отвратительных, голодных водорослей...

Я не кричал. Да и кто бы мог меня здесь услышать! Свершалась молчаливая драма, одна из тысяч и тысяч, свершающихся повсюду: обессиливание, медленная, жуткая в своем безмолвии смерть... Неужели я спасся от стольких опасностей, мечтая рассказать обо всем увиденном людям, напрасно?

Резкий взмах сверкающего луча — и водоросли отпустили меня. Я не поверил своим глазам: рядом, яростно рассекая пути, которые высасывали из меня силы, металась Зита.

«Зита!» — вскрикнул я, и сознание стало медленно меня покидать, как будто дожидалось чьей-то помощи.

Она подхватила меня и потащила прочь. Наверно, я очень далеко заплыл, потому что, открыв глаза, увидел, что Зита тоже обессилела.

Она опустила меня на мягкую шелковистую траву, покрывавшую песчаное дно, и села рядом.

«Что тебе подать?» — спросили ее глаза.

«Ничего не надо», — ответил я, счастливо улыбаясь.

И все же она нашла в себе силы встать, нарвала черенков, по вкусу напоминающих икру, и подала мне. Я стал есть. Силы медленно возвращались. Это было похоже на чудо.

«Ешь со мной!» — предложил я Зите.

Я смотрел, как аккуратно, словно только прикасаясь к лиловой мякоти, ест моя спасительница, — и горячее чувство благодарности, смешанное с нежностью, овладело мной. Захотелось поговорить с ней — не ощущениями, как до сих пор, не образами, а на моем родном языке. Пусть бы она говорила глупости, пусть только произнесла

одно-два слова. Я только сейчас почувствовал, как соскучился по родной речи, как хочется видеть в Зите своего, дорогого мне человека.

«Зита! А ты не могла бы хотя бы немного поучить вместе со мной санскрит?»

Она улыбнулась. Потом, глядя мне в лицо, произнесла (немного запинаясь, напряженно, но тем не менее на чистейшем санскрите):

«Я давно его знаю. Ведь на нем говорите вы. А я читаю все ваши мысли. Разве не правда?»

Зита говорила! Но голос ее показался мне странно знакомым. Да ведь это же мой собственный голос! Зита точно копировала все мои интонации. Ну, конечно, разве она могла сразу же говорить своим голосом, если в подводном мире существа объясняются либо ощущениями, либо пузырьками воздуха — длительность и интенсивность их заранее обусловлены. Ничего, пройдет время, и Зита будет говорить со мной — наверное, у нее будет нежный, бархатный, как она сама, голос...

Между тем вдалеке, хотя уже должен был быть конец дня, что-то светилось, и вокруг разливалось голубоватое сияние — такое бывает при рождении молодого месяца. Я вспомнил, что не раз уже видел это сияние в сумерках, но все как-то не удосуживался спросить о нем Зиту.

«Что это?» — показал я на источник света.

Она спросила меня, в состоянии ли я идти. Я чувствовал себя настолько здоровым, что без колебаний ответил утвердительно. Опять, как всегда в последнее время, плечом к плечу мы поплыли вперед.

Мы плыли, и впереди все яснее вырисовывалось очертание источника света. Мне казалось, это было что-то треугольное. Живое ли это существо? — думал я. А вдруг этот источник света смертоносен?

Зита плыла спокойно, и это меня радовало. Порой казалось, что в уголках ее рта таится лукавая усешка. Внезапно мне почудилось, что источник света также движется, но это был обман зрения. Вот оно, существо, похожее на большую прозрачную раковину. Внутри что-то блестело, переливалось, сверкало.

Мы подплыли ближе, и Зита, наклонившись, запустила руку внутрь раковины, приглашая меня сделать то же. Наши руки погрузились во что-то холодное. Здесь были камни: яхонты, рубины, сапфиры, бриллианты — все, что составляет предмет человеческих вождений. Теперь я понял, где брали русалочки камни для своих игр. Один из таких камней чуть не стоил мне жизни. Разумеется, это было во сне, но я знал — сон этот был слишком похож на явь. Когда-то ежегодно охоты в джунглях Африки, где были обнаружены большие залежи алмазов, уносила тысячи человеческих жизней. А сколько людей гибнет сейчас возле тихих, прекрасных лагун в нашем Индийском океане, собирая на дне ракушки, в которых медленно созревали крупные перламутровые зерна жемчужин! Вот они, мерцающие загадочным блеском, еще более светлые в сиянии огромной сокровищницы! Ракушка испускала лучи.

«Эни целебны», — шепнула мне Зита.

«Да? — удивился я. — От чего же они лечат?»

Она посмотрела на меня, потом перевела взор в сторону. И словно на маленьком экране, я увидел свое тело, спроецированное на большой камень. Зита поочередно брала камни, и, направляя их лучики на определенные части моего тела, показывала, какое действие

они оказывают на организм. Мне хотелось остановить ее, чтобы лучше запомнить таинственный механизм воздействия, но я подумал: «Она еще раз с удовольствием расскажет мне все это!»

Вот тогда впервые мелькнула мысль: неужели нельзя записать все это, чтобы передать людям не только мои впечатления, но и что-то конкретное, осязаемое? Мысль мелькнула и исчезла: настолько увлекательными были ощущения, которыми Зита передавала целебное действие камней. Я чувствовал, как меня словно овеивает какая-то сила, как бодрее и сильнее бьется сердце, как быстрее бежит по жилам кровь...

Все написанное похоже на сказку. Но я все же записал. В конце концов я нашел то, чем можно было бы увековечить окружавшее меня и что до меня не видел ни один человек. Я перепробовал для записи многие водоросли, листья деревьев — но все это рвалось, такие записи долго не сохранить. Еще раньше я нашел, чем писать: настой из золотистых водорослей, в который я добавлял красных жирных рачков — он был несмываемым. Но бумага! Где взять бумагу? Помог случай.

Как-то однажды я обнаружил огромный яркий, как пламя, куст. Я попытался дотронуться до него, но руку обожгло, и я в испуге отпрянул. Это было огненное течение, похожее на куст, струи его завивались в бешеной пляске. Удивительно: ведь я несколько раз бывал здесь, но только теперь обнаружил опасность. Кипящая вода, словно ее кто-то выталкивал из трубы, несколько раз меняла направление. Я обломал ветку длинного растения с твердым стеблем и приблизил ее к потоку. Она моментально стала дряблой, словно сварилась. Я осторожно, минуя водоворот, спустился вниз. Там лежала куча сваренных молодых существ: очевидно, они, не углядев опасности, попали в кипящую струю. Опытные взрослые, надо полагать, обходят эти места. В куче было и несколько сваренных рыб. Из распоротого брюха одной из них выглядывал серебристый пузырь. «А что, — подумалось мне, — если попробовать писать на таком пузыре? Вполне вероятно, что он не расплзется, и моя несмываемая краска хорошо на нем запечатлеется». Решил попробовать. Обломал еще один большой сук и осторожно притянул к себе несколько рыбешек. Чтобы унести их с собой, пришлось сплести корзинку. Плести было очень трудно, водоросли не поддавались, развязывались, не подчинялись моим ходам и пришлось несколько раз все начинать сначала. В конце концов, лианами связав концы, я получил нечто вроде продолговатого сосуда, в котором и унес рыб. Перед уходом постарался хорошо запомнить это место. К тому же неподалеку я увидел нечто похожее на дыню, с таким же, как и у земной, запахом и вкусом. И что удивительно, стоило мне откусить кусочек, как дыня — так я назвал ее — в этом месте тут же снова заросла. Способность растения к регенерации поразила меня. А что, если эта «дыня» поможет ученым найти вещество, введение которого в организм человека станет способствовать лечению увечий?..

В тот же день (какой это был богатый на открытия день!) я нашел неподалеку продолговатые синие, словно вены на теле, плоды. Задержавшись возле них, я случайно увидел, как они размножаются. Два крупных ствола внезапно начинают извиваться, потом осторожно пускаются в поиски. Найдя подходящую для себя пару, сплетаются,



образуя фантастические, замысловатые фигуры, и постепенно сливаются. И вот уже вместо двух стволов — один, только чуть крупнее. Постепенно у большого ствола появляются тоненькие отростки. Они застывают, когда вечерние сумерки окутывают подводный мир. Пройдет много времени, эти отростки станут большими стволами. Вкус их очень приятен.

Я совершенно забыл обо всех этих превращениях, когда проплыл как-то с Зитой мимо огромных стволов. Вдруг один из них, извиваясь, как живое существо, впился в мою спутницу.

— Зита! — бросился к ней на выручку, но тут же один отросток прилип ко мне и стал щекотать. Сразу же от дерева поползли ко мне сотни других щупалец... Они нещадно щекотали, а я хохотал и обмирал от ужаса, но никак не мог, как ни старался, оторваться от них и освободить Зиту. Она, правда, переносила это испытание спокойнее. Моя спутница даже принялась отрывать от меня отростки, хотя сама почти исчезла в мякоти огромного ненасытного ствола.

«Не бойся! — успокаивала она меня взглядом. — Оно скоро отпустит меня».

Я сделал еще одну попытку вырваться. Кажется, помогло — щупальца дерева разжались, меня отбросило назад, а стволы деревьев, колеблясь, отгоняли меня прочь.

«Зита!» — попробовал я кричать, но послышалось только бульканье у рта.

С горестью думал я о судьбе Зиты, которую опутало это чудовище, и она тщетно борется с ним... Ждал ее долго. Попытался прорваться к ней, но деревья безжалостно отгоняли меня. Я уплыл.

... Зита долго не появлялась. Я чувствовал себя виноватым, но утешался тем, что она лучше знает подводный мир, и если бы ей угрожала опасность, она непременно дала бы мне знать, попросила бы позвать кого-нибудь из ее окружения.

Коротая время в одиночестве, я много путешествовал по подводному миру. Повидал еще немало чудес: громадные подводные горы, которые плыли, подобно айсбергам, ослепительно белые, почти прозрачные. В отличие от тусклой белизны айсбергов, они словно сияли, переливались. Мне захотелось дотронуться до поверхности горы. Но едва приблизившись, наткнулся на препятствие. Попробовал обойти его — безуспешно. Подобное произошло и когда я пытался одолеть голодные водоросли. Передо мной как будто выростала прозрачная стена. Несколько раз мне казалось, что расплещу нос об эту стену, и я стал осторожно плавать возле айсберга, пытаюсь найти просвет.

И вот я, наконец, снова увидел Зиту. Она плыла ко мне, и я почувствовал, как соскучился по ней. В подводном мире не было у меня друга вернее ее. Но только ли друга? Ее сияющие глаза сказали мне, что она все простила — и мое бегство, и мои опасения, что она больше не придет. Мы молчали, глядя друг на друга. Я осторожно дотронулся до ее голубых волос. Они вились, подобно шелку, в прозрачной воде. Потом осторожно провел по ее плечу, по мягкой, нежной чешуе ее рук.

Она закрыла глаза и прижалась ко мне. Все было необычным в этом необычном мире — и сказочная эта девушка, подводная русалка, и моя нежность, и радость, которую мне доставлял лишь один взгляд ее огромных бирюзовых глаз... Я забыл обо всем, что нас

разделяло. Забыл о том, что могу потерять Зиту, если попытаюсь вернуться к людям. Нам было хорошо вдвоем. И вставшие стеной желтовато-зеленые водоросли скрыли нас от всех, кто хотел бы заглянуть сюда в эти счастливые минуты.

О великая природа, все тебе подвластно! Ты создала из воздушной пыли землю, из испарений — воду, из крохотных белков и органических соединений человека, который теперь постепенно вырывает у тебя одну за одной тайны и угрожает самой матери, породившей его! Но у тебя еще много сил, и много загадок предстоит узнать твоему сыну, и некоторые ему никогда не разгадать, потому что нет, наверное, человека, который бы мог разгадать загадку любви — любви мужчины к женщине, нежности, которой переполняется сердце при виде любимого существа!

Некоторое время я не мог ни о чем думать. Зита приплывала ко мне каждый день, и мы подолгу плавали в подводном мире. И каждое впервые увиденное растение, куст или живое существо наполняли нас впечатлениями, словно живой, волшебной водой.

Жил я неподалеку от кипящего источника. Однажды вспомнилась задумка: приспособить для записей рыбки пузыри. Опять зачастил я к источнику. Здесь Зита не появлялась. Собирая сваренных рыб, я увидел маленькую русалочку — одну из тех, что когда-то вились около Зиты.

«Где Зита?» — спросил я русалочку.

Она с любопытством смотрела на меня и делала вид, что не понимает (а может быть, на самом деле не понимала), о чем я говорю.

«Почему нет Зиты?» — снова спросил я маленькое существо.

«Поиграй со мной!» — неожиданно попросила она.

Я растерялся. Одно дело, когда русалочки в стаде, а как играть с одной такой малышкой? А она внезапно дотронулась до меня и стала уплывать, оглядываясь назад, как бы приглашая: «Поиграй!» Я улыбнулся, в два взмаха рук догнал ее и, легонько дотронувшись, повернул назад.

Русалочка разгорелась, светлые бирюзовые глазенки ее сияли от радости. «Дети — всегда дети», — подумал я. А здесь они, наверно, слишком рано должны становиться взрослыми, вот и хочется ей еще раз поиграть в незнакомую загадочную игру, в которую играют на земле миллионы детей. Я и сам увлекся, разыгрался, почувствовав себя мальчишкой.

Увлечшись, совсем забыл о кипящем ключе. До сих пор не могу простить себе такой опрометчивости. Ведь я уже совсем взрослый, мне девятнадцать! Как я мог забыть о том, что кипящие струи уничтожают все живое. Моя русалочка, погнавшись за мной, сделала слишком крутой вираж и рукой прикоснулась к блестящей, как змея, струе, завихрившейся возле источника. И мгновенно, издав слабый крик, бессильно раскинув руки, стала опускаться на дно.

Я настиг ее уже возле самого дна. Она была бездыханна. Светлые глаза закрыты, головка запрокинута. Я оттащил ее подальше от источника, сел возле и в отчаянии закрыл глаза. Что я скажу Зите?

Мелькнула подлая мысль: не признаваться ни в чем, отплыть подальше от этого места и сделать вид, что ничего не знаю о гибели русалочки. Но тут же вспомнил: Зита все равно прочтет в моем сознании обо всем случившемся. «Но ведь ты не виноват! — кричал

во мне голос самозащиты. — Не ты толкнул русалочку в кипящий омут!» — «Но ты обязан был все предусмотреть! — говорил во мне голос обвинения, и он был сильнее. — Ты, взрослый, а она совсем мала!»

Мне захотелось опять попасть к голодным водорослям. По крайней мере, быстро избавлюсь от всего — и от страшных угрызений совести, и сожалений о так рано погибшей жизни, и страха перед Зитой... Но я подумал о книге. Книга должна быть написана! Мои личные переживания — ничто по сравнению с тем, что я должен рассказать людям!

\* \* \*

С той поры я долгие часы проводил над страницами, сделанными из рыбьего пузыря. Я писал с трудом, потому что необычными были и материал, и карандаши — они то и дело ломались в руке и приходилось их сваривать. Но я писал — страница за страницей, писал специально на древнем санскрите, чтобы быстрее заметили люди. Писал о фантастических лесах, которые размножаются буквально на глазах, о плодах со вкусом сумалака, дыни и арбуза, о растениях, которые заменяют фабрику пряностей. Писал о подводных существах, которые с презрением приняли меня, пришельца из другого мира, и о верной мне из этого неведомого племени... О водяных вихрях, внезапно возникающих в разных местах и уносящих жизнь за жизнью, и о сверкающих айсбергах, к которым не дано подойти смертному...

Наконец, книга была готова. Я поплыл к огромной ракушке — хранильнице лечебных камней, и украсил обложку книги, которую сшил из рыбьей кожи, самыми красивыми. Пусть, если кто-либо усомнится в написанном, эти драгоценные камни послужат лучшим доказательством того, что все, о чем я пишу, — правда. Я стал отшельником. Впервые испытал я радость отречения, радость творчества. Понял тихое спокойствие духа древних мудрецов, удалявшихся в хижину, чтобы подумать обо всем, что нас окружает, чтобы понять главное — для чего мы живем. Для чего весь этот мир — такой манящий, наполняющий душу восторгом, ужасом и печалью потери?

Я не расставался с книгой. Куда бы теперь я ни плыл, она всегда лежала у меня на груди. Все могло случиться. Но пусть я даже погибну, она не пропадет бесследно в пещере!

А Зита почему-то не приплывала. Я не очень отчаивался — горечь потери забывалась в работе. Я писал, затем отправлялся на поиски нового.

Сколько минуло времени — не знаю. Но однажды, плывя вдоль ленточного, густого, извивающегося леса, я увидел дыру. Может быть, мне показалось, но это было нечто похожее на тоннель, которым принесла меня сюда рыба. Я подплыл ближе. Да, массивные стены, темные ямы, из которых веяло холодом... Это был тот тоннель!

Не сразу рискнул я отправиться туда: нужен был источник света. Соорудив нечто вроде факела из крупных, похожих на мышей, подводных светлячков, я осторожно двинулся вперед.

Стены оплели водоросли, из темноты на меня, казалось, смотрели сотни светящихся глаз. Но я плыл вперед. Столько опасностей было позади, что теперь, когда я как будто нащупал путь возвра-

щения, никакая сила не могла бы заставить меня покинуть тоннель!

Вдруг порыв холодного ветра вырвал из рук мой живой факел, взметнул его. Рассыпавшись светлячками, он исчез. И не успел я опомниться, — меня закрутило, завихрило, потащило вперед. Удивительное дело, я не чувствовал страха. Место, куда меня стремительно вынесло, было безводным воздушным пространством. На площади величиной с большую комнату образовался своеобразный вакуум. Я влетел в него, словно воздушный шарик. Стены, переливаясь, слабо поблескивали влагой. Я почувствовал тошноту: конечно, сказалась привычка дышать водой, и холодный воздух подействовал так, словно человеку, потерявшему сознание, поднесли к ноздрям ватку с нашатырным спиртом.

Это было так внезапно, что я обессилел и прислонился к стене. Обвел глазами — пещера. Очень даже уютная. В глубине — нечто вроде ложа, так приподнимались ее стены.

В ней я дописал последние страницы своей книги. Здесь я думал о том, что больше никогда не увижусь с Зитой. А может быть, с ней что-то случилось? Об этом мне уже никогда не узнать. О, если я выберусь на поверхность, одарит ли меня жизнь такой же верной спутницей, какой была загадочная русалка из подводного мира, которую я назвал именем любимой героини! Зита для меня — олицетворение верности. Верность, которую все реже встретишь в земных девушках.

Редко кто любит нас ради нас самих. Прельщают звания, богатство или манит выдуманный образ идеального возлюбленного. Но Зита любила меня ради меня самого. Стоило мне сказать слово — и она обрекла бы себя на изгнание, ушла бы со мной в безмолвие океана, чтобы быть рядом, отреклась бы от своих соплеменников. Но я не сказал этого слова. Я все время жил мечтой о возвращении. Возместит ли мне земля то, что я потерял под водой?

С такими мыслями я вставал и ложился. Удивительно, но я был уверен в том, что обязательно выберусь отсюда, и внимательно изучал все ходы и ответвления гигантского тоннеля, собирая на всякий случай светляков и вооружаясь запасом съедобных водорослей.

И вот однажды... Этот день памятен тем, что я написал последнюю страницу книги. Чтобы писать еще, нужно было изготовить вторую книгу, а это значит — возвращаться туда, где был горячий источник, выдирать пузыри из погибших возле ключа рыб. Я был готов и к этому. Разумеется, тогда придется потерять тоннель. Но я уже стал осторожнее, сильнее, хитрее. Я усвоил многие законы подводного мира, и, может быть, на этот раз мне повезет.

Я проплывал мимо одного из ответвлений тоннеля, когда обнаружил водяную пленку. Приблизившись к ней, почувствовал, что она плотнее, гуще и почему-то пахнет медом. Преодолеть ее почти невозможно. Но за ней ясно видны очертания какой-то дверцы. Место это показалось мне очень знакомым. Неужели это и есть дверца, через которую я попал в подводное царство?»

... Я слушал рассказ дедушки Асада до рассвета. Что же случилось с автором книги? Его действительно убили, или утонул, не перенеся условий подводного мира? А может быть, он потерял книгу, возвращаясь на землю, и ее нашел дедушка Асад?

У нее своя судьба, у этой загадочной книги.

Когда торговое судно возвращалось из Канады, оно попало в сильный шторм. Судно получило повреждение и стало тонуть. Дедушка Асад привязал книгу к телу, чтобы она, какие бы испытания ему ни выпали, была всегда с ним. Она стала дорога ему, как дорого нам все, что уводит от привычного круга существования, зовет в иные края, обещает иные открытия.

Крутые волны подхватили его, несмотря на спасательный пояс, и понесли в океан. Он потерял сознание. Его нашли через три дня, но книги при нем не было. Может быть, унесли бурные волны, может быть, утащили прожорливые чайки?

— Мне показалось, что вместе с книгой унесли и мое сердце, — рассказывал дедушка Асад. — Говорят, что когда меня спасли, я все время прижимал руки к телу так сильно, что их не могли оторвать, и все говорил: «Книга, книга!» Меня сочли потерявшим разум. После выздоровления долго лечили от психического расстройства, советовали изменить место жительства, уехать в теплые края, создать семью. Но мысль о том, что где-то существует другой мир, другое измерение, преобразила меня. Я не мог и думать о спокойной жизни: стал плавать на других кораблях, запил. Напиваясь в портовых тавернах, говорил все о том же — о своей утрате. Меня даже прозвали «Книгой из рыбьих пузырей». Ведь люди перестали верить в чудеса. Им доступно только то, что они могут сами пощупать руками, да и то не всегда верят этому. Говорят, что, приходя к Галилею и воочию видя все, о чем он говорил, многие презрительно пожимали плечами и продолжали верить, что земля покоится на китах, на львах или... крокодилах... Почему мы так косны? Почему мы не хотим верить в чудо?

Я думал о парне, который написал все это. А может быть, его снова увела в подводный мир тоска о любимом существе, сказка о верности, которую он не мог осуществить здесь, на земле? Во всяком случае, я ему завидовал. А впрочем, может быть, через некоторое время — он и сам стал сомневаться в себе, сам стал считать, что все это приснилось ему — все, о чем он так увлекательно написал? Где же он сейчас? Может быть, на глубоком дне, а может быть, живет в своей голубой пещере и слушает рассказы русалки с бирюзовыми глазами?

Я слушал старого моряка как замороженный. И в моем сердце и сознании все росла извечная тоска — тоска человека по новым мирам, по новым открытиям. Если одна встреча с неведомым могла повернуть жизнь бывалого моряка — дедушки Асада, так не отзовется ли она и на всей моей жизни?

Мне хотелось бы найти если не загадочную книгу, то сам подводный мир, заглянуть в бирюзовые глаза умной русалки, которая умеет говорить ощущениями и быть верной подругой.

Вон течет ручеек. Ведь он где-то впадает в океан. А дно этого океана хранит тайны. Может быть, мне удастся, как этому ручейку, хотя бы коснуться еще одной великой тайны природы? Как знать, как знать. Важно мечтать, уметь мечтать. И — верить в чудо...

## СОДЕРЖАНИЕ

Я — не я. Рассказ. Перевод <b>Исфандияра</b> .....	5
Повилика. Рассказ. Перевод <b>Исфандияра</b> .....	15
<b>Бибиханум</b> . Повесть. Перевод <b>Л. Казаковой, М. Турсунова</b> .....	19
В неведомом мире. Повесть. Перевод <b>Исфандияра</b> .....	37

**Махкам Махмудов**

**Я — НЕ Я**

**Рассказы и повести**

Перевод с узбекского с издания издательства литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1979 г.

Редактор В. Кива  
Художественный редактор В. Немировский  
Художник Г. Ким  
Технический редактор Э. Саидов  
Корректор Т. Красильникова

ИБ № 2526.

Сдано в набор 01. 02. 82. Подписано в печать 29. 03. 82. Формат 70×100/8. Бумага офсетная. Школьная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,16. Уч.-изд. л. Тираж 120000. Заказ № 296. Цена 40 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Фабрика офсетной печати Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Усмана Юсупова, 86.

Махмудов, Махкам.

Я — не я: Рассказы и повести. Пер. с узб. — Т.: Изд. лит. и искусства, 1982.— 64с. — (Фантастика, приключения.)

В рассказах, вошедших в сборник, писатель призывает человека во всех обстоятельствах сохранять верность своим убеждениям, жизненным идеалам, быть самим собой.

В центре повести «Бибиханум» — борьба народов Средней Азии против монгольского завоевания, любовь молодого полководца Тимура к прекрасной царевне Бибиханум.

О стремлении человека к познанию бесконечной Вселенной, о благородных порывах юного героя, который становится вечным пленником таинственного мира под океаном — фантастическая повесть «В неведомом мире».